получ. отъ Автора
Владиміра Ивановича
Даля.

Москва, вторн. 23 февраля
1860, въ засѣданіи
Общества Любителей
Рос. Словесности.

О НАРѢЧІЯХЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

ПО ПОВОДУ

ОПЫТА ОБЛАСТНАГО ВЕЛИКОРУССКАГО СЛОВАРЯ,

ИЗДАННАГО

ВТОРЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СТАТЬЯ

В. И. ДАЛЯ.

(Изъ V книжки «Вѣстника Императорскаго Руескаго Географическаго Общества за 1852 годъ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 25 декабря 1852 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

Землевѣдѣніе и языкознаніе, по-видимому, двѣ науки почти несродственныя; но если изучать землю вмѣстѣ съ обитателями ея, то вопросъ этотъ принимаетъ иной видъ, и Русское Географическое Общество, по Этнографическому Отдѣленію своему, придется съ-родни или въ-свойствѣ со Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ. На этомъ поприщѣ оба ученыя общества подаютъ другъ другу братскую руку соревнованія и помощи.

Передъ нами опытъ, и притомъ первый опытъ въ этомъ родѣ; доселѣ печатались кой-гдѣ собранія областныхъ словъ, но не было издано ни одного словаря. Уже одно это обстоятельство обязываетъ насъ признательностію къ ученому братству, которое, едва ли не впервые со временъ Ломоносова, признало трудъ этотъ довольно важнымъ и достойнымъ своего вниманія.

Не станемъ разсуждать о пользѣ областныхъ словарей, или словарей нарѣчій. Во Франціи, Германіи, Италіи, гдѣ мѣстный народный говоръ нерѣдко до того уклоняется отъ общепринятаго, что почти можетъ быть принятъ за другой языкъ, словари нарѣчій мало могутъ способствовать изученію общаго языка; но гдѣ, какъ у насъ, на всемъ пространствѣ огромнаго царства раз-

стилаются безпредѣльныя равнины и господствуетъ одинъ общій языкъ, а мѣстныя уклоненія его столь незначительны, что ихъ даже не всякій замѣчаетъ, тамъ областные словари получаютъ совсѣмъ иное значеніе: областной говоръ свойственъ простому народу, а простонародный языкъ—корень и основаніе образованнаго языка; послѣдній, со всѣми прикрасами своими, и самая грамматика его, долженъ признать простонародный языкъ роднымъ отцомъ своимъ и въ тоже время живымъ, напояющимъ источникомъ.

Кажется, теперь только настаетъ желанная пора для истиннаго изученія и развитія нашего языка. Вмѣстѣ съ насильственнымъ образованіемъ, по иноземнымъ образцамъ, въ былое время началось и искаженіе роднаго языка, который не могъ поспѣть за внезапнымъ приливомъ просвѣщенія. Онъ и теперь только достигъ межени; ему еще далеко до высокой воды. Но довольно того, что мы начинаемъ убѣждаться въ неудобствѣ пополнять недостающее иноземнымъ, начинаемъ отказываться отъ произвольной ломки, спайки и наварки словъ: эти попытки бо́льшею частію весьма неудачны и основаны собственно на незнаніи народнаго языка, во всемъ его объемѣ; въ словахъ или выраженіяхъ нѣтъ недостатка, — умѣйте только отыскать ихъ, изучить, усвоить и пустить въ ходъ. Въ этой истинѣ мы убѣдились недавно и съ тѣхъ поръ увидѣли свѣтъ. Повсемѣстно замѣтно это направленіе, и отъ него будетъ благо.

Не станемъ говорить о томъ, что у насъ есть собраты, которые пишутъ и печатаютъ *газонъ* и *кадаверъ*, ниже о *гуманности*, *субъективности* и *объективности*, а вспомнимъ, напримѣръ, что одному переводному роману дано хитро придуманное заглавіе *Путеводителя въ пустынѣ*,—заглавіе, надъ которымъ переводчикъ очевидно долго трудился, ломалъ голову, не зная, какъ его передать, тогда-какъ ларчикъ отпирался очень просто и буквальный переводъ этого заглавія былъ бы *степной вожакъ*. Беру одинъ примѣръ, чтобы только объяснить мысль мою, тогда-какъ легко было бы насчитать ихъ тысячи. Русскіе даровитые писатели, какъ Д. В. Григоровичъ, который любитъ и знаетъ народный бытъ и беретъ оттуда расказы и картины свои, пестритъ языкъ свой, безъ малѣйшей надобности, а только по образу воспитанія и привычкѣ, чужими словами, а слогъ — нерусскими оборотами. Въ этомъ всѣ мы виноваты поголовно: такъ наша печь печетъ.

Относительно *словосочиненія*, въ смыслѣ произвольнаго составленія небывалыхъ словъ, также достаточно будетъ сослаться на новѣйшій словарь нашъ, въ которомъ 114,749 словъ или реченій,

но въ томъ числѣ на каждую букву едва ли не по сотнѣ такихъ, кои придуманы Богъ вѣсть кѣмъ и когда, только для внесенія въ счетъ, между тѣмъ какъ ихъ нѣтъ вовсе на дѣлѣ и они никѣмъ и никогда не употреблялись.

Мы о сю пору затверживаемъ по всѣмъ грамматикамъ русскимъ, что языкъ нашъ весьма склоненъ къ образованію составныхъ реченій и въ этомъ убѣжденіи дозволяемъ себѣ сочиненіе шарокатовъ и шаропеховъ: скажемъ, напротивъ, разъ навсегда, по правдѣ, что онъ вовсе не склоненъ къ тому: это противно духу его; народъ не затрудняется пріискать въ сокровищницѣ своей новое выраженіе, если оно ему понадобится,—но у него на это совсѣмъ иные пріемы: берется одно только слово, ближайшее къ главному понятію, а затѣмъ, измѣненіемъ окончанія, приставкою одного или двухъ предлоговъ и переносомъ ударенія, придается выраженію этому любой видъ и значеніе.

Всѣ стали убѣждаться въ послѣднее время въ томъ, что при направленіи, которое приняла обработка, или, вѣрнѣе, запущеніе, русскаго языка, ему угрожаетъ гибель: изъ богатаго, звучнаго, сильнаго и самостоятельнаго языка могъ бы сдѣлаться языкъ вялый, тяжелый, набродный. Къ этому упадку и точно близился нашъ письменный языкъ; простонародный не искажался, но въ отчужденныхъ отъ него ушахъ отзывался кабакомъ или, по меньшей мѣрѣ, лукомъ, квасомъ и вареной печенкой. И точно, средины нѣтъ; чѣмъ менѣе языкъ писателя напоминалъ отчизну свою, тѣмъ легче понимали его читатели и читательницы; чѣмъ болѣе онъ отзывался материкомъ, тѣмъ онъ казался грубѣе, пошлѣе и непонятнѣе. Чопорные писатели отряхивали свои пальчики въ цвѣтныхъ перчаткахъ и прибѣгали къ французскому словарю, вмѣсто русскаго; немногіе смѣльчаки бросались въ противоположную крайность, и если попытка ихъ тѣшила на короткое время рѣзкостію и новизною, то на нее не менѣе того смотрѣли какъ на довольно грубую и даже неприличную шутку.

Но если мы изучимъ свой народный языкъ во всѣхъ его видахъ и въ полномъ богатствѣ, если усвоимъ себѣ духъ его, свыкнемся и обживемся съ нимъ, тогда, можетъ-быть, понятія наши объ немъ измѣнятся и мы вынуждены будемъ сознаться, что всѣ жалобы наши были поклепомъ невѣжества, для котораго и самый языкъ оставался нѣмымъ.

Мужикъ извѣстной мѣстности говоритъ: «подъ увѣемъ хлѣбъ не растетъ.» Немногимъ изъ читателей слово *увѣй* знакомо, а замѣнить его мудрено, не только русскимъ, но и чужимъ словомъ: это—все пространство вкругъ лѣса или дерева, которому оно за-

ститъ въ-теченіе дня, отчего трава и хлѣбъ на этомъ пространствѣ хилѣетъ; увѣй—вся мѣстность, на которую падаетъ посмѣнно тѣнь, отъ восхода до заката солнца.

Лошадь *запахалась*, т. е. надорвалась пашней; у насъ по хлѣбамъ дорогу *заѣздили*, или поля заѣздили, т.-е., покинувъ дорогу, ѣздили стороной и помяли хлѣбъ; ѣсть хлѣбъ *въ окунку*; пѣть или читать *говоркомъ*, т.-е. речитативомъ; *набровый*, набросистый вмѣсто навислый: все это выраженія, хотя и областныя, но вполнѣ пригодныя для общаго русскаго языка, и притомъ едва ли замѣнимыя. Примѣры эти я взялъ на-память, какъ они попались подъ перо, и въ-послѣдствіи справился только, нѣтъ ли ихъ въ словарѣ. Если бы я не опасался надоѣсть, то легко было бы набрать ихъ сотни. Не забудемъ, что всѣ выраженія эти равно способны принять значеніе переносное, и что здѣсь рѣчь идетъ только о словарѣ, а слѣдовательно о словахъ, тогда-какъ и самому русскому складу рѣчи также можно научиться не изъ книгъ нашихъ, а изъ народнаго говора.

Но въ этнографическомъ отношеніи мѣстный словарь получаетъ еще другое значеніе: онъ указываетъ на происхожденіе и сродство поколѣній, и потому областное нарѣчіе или говоръ не могутъ быть оставлены безъ вниманія этнографомъ. Кто не узнаетъ, при первой рѣчи, уральскаго казака по рѣзкой скороговоркѣ его, Донца — по особенной примѣси южно-русскаго говора, Курянина — по мягкому окончанію третьяго лица: онъ ходить, она гуляить; кто не узнаетъ Воронежца, у котораго нѣтъ средняго рода, а платье, яйцо и сѣдло — она и эта? Вятчанинъ употребляетъ приставки то, та, тѣ, согласно съ родомъ, и говоритъ: корова-та, мужикъ-то, дѣти-тѣ, и вотъ разгадка такъ называемаго послѣдовательнаго члена на языкѣ болгарскомъ — явленіе странное, несвойственное ни одному славянскому нарѣчію, кромѣ болгарскаго; но это не членъ собственно и взятъ онъ не съ греческаго, а очевидно обычай приставлять мѣстоименіе на языкѣ этомъ обратился въ законъ. Кто не узнаетъ Олончанку по пѣвучей дроби рѣчи ея? А Уралка, которая шепеляетъ, рѣзко отличаясь говоромъ отъ отца и мужа, или Самарки, которыя, наоборотъ, произносятъ *ш*, *ж*, вмѣсто *с*, *з*, и поютъ въ хороводахъ: Рожанъ мой, рожанъ, виноградъ желеный? А Ржевки, которыя всѣ говорятъ въ носъ, съ растяжкой и съ жосткимъ удареніемъ на согласныя буквы, напр. женъ-щина? Коломенецъ говоритъ: папенькя, маменькя, кваскю, табачкю; Зубчанинъ, напротивъ-того, пустомѣла, черва; кто не узнаетъ Сибиряка, между прочимъ, по одному вопросу: чьихъ вы? вмѣсто: какъ вы прозываетесь; Яро-

славца и особенно Ростовца — по приставкѣ *де*, *ди* и по словцу: родимый; Новгородца, который говоритъ: хлиба ниту, сина ниту, совсимъ бида, или Кологривца, который говоритъ: хлѣбъ, сѣно, но ставитъ *и* вмѣсто *ѣ* въ глаголахъ: потить вмѣсто потѣть, глядить вмѣсто глядѣть, и проч.

У насъ есть слова съ двоякимъ удареніемъ: далѐко и далекò, высòко и высокò, ворòта и воротà, и по одному ударенію этому можно догадываться о родинѣ собесѣдника: удареніе на предпослѣднемъ слогѣ свойственно сѣверному и восточному нарѣчію, удареніе на послѣднемъ — южному и западному.

Все это одни отрывочные примѣры, взятые на-память; боюсь надоѣсть ими и перехожу къ заключенію, что для насъ одного только словаря областныхъ нарѣчій мало: намъ нужны общія правила, какъ и чѣмъ одно нарѣчіе отличается отъ другаго, чѣмъ говоръ разнится отъ говора. Въ этомъ дѣлѣ найдемъ мы необходимое подспорье для географіи, этнографіи и исторіи, а также и собственно для изученія роднаго языка. Въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ, населенныхъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и отчасти въ послѣднее время выходцами двадцати губерній, довольно легко, по нарѣчію, узнавать происхожденіе народа; затруднительнѣе это дѣлается, когда старики уже вымерли, а молодое поколѣніе исподоволь привыкаетъ къ говору мѣстному, особенно же если селеніе сбродное, изъ переселенцевъ разныхъ мѣстъ, и молодежь между собою освоилась и свыклась; но еще труднѣе, хотя и любопытнѣе, становится рѣшеніе этого вопроса, напримѣръ, въ Тверской губерніи, одной изъ самыхъ пестрыхъ и смѣшанныхъ, относительно языка; туда, какъ надо полагать, съ древнихъ временъ переселялись, по случаю разныхъ переворотовъ, едва ли не со всѣхъ концовъ.

Составляя словарь одного языка или нарѣчія, можно обойтись безъ всякихъ объясненій; но, соединивъ въ одинъ словарь, сподрядъ, реченія полсотни мѣстностей, нельзя обойтись безъ довольно обстоятельнаго введенія. Необходимо это не только для того, чтобы придать пестрому набору словъ смыслъ и толкъ, но уже и для того собственно, чтобы показать произношеніе, различное въ разныхъ мѣстахъ при одномъ и томъ же правописаніи; необходимо и для того, чтобы избѣгнуть множества безполезныхъ повтореній, отъ одной разности произношенія; и наконецъ, чтобы указаніемъ, не на одну губернію, а на цѣлый край, опредѣлить нарѣчіе, къ которому слово принадлежитъ. Безъ этого пришлось бы, напримѣръ, размѣстить вдвойнѣ всѣ словà, которыя, по южному говору, произносятся на *а*, по сѣверному на *о*; также всѣ словà,

въ коихъ Новгородецъ ставитъ *и* вмѣсто *ѣ*, Рязанецъ *я* вмѣсто *е*, Смолянинъ *уы* вмѣсто *о*, и проч., и такимъ-образомъ пришлось бы напечатать словарь вдвойнѣ или втройнѣ. Дѣйствительно, всему этому въ разбираемомъ нами словарѣ много примѣровъ; но они, по-видимому, случайны; не было принято на это положительнаго правила и порядка.

Мы находимъ, напримѣръ, въ словарѣ: астрагáны, лабáзъ, маченéцъ, овадъ; почему же нѣтъ острогáны, лобáзъ, моченéцъ, оводъ, какъ произносятся эти же словá на востокѣ, и какъ нѣкоторыя изъ нихъ должны писаться, потому что острогáны происходитъ отъ острогать, а моченецъ — отъ мочить?

Мы, напротивъ, находимъ: обáбокъ, обáполъ, розвáлистый, рознедóбить, розóрва, ссóривать и проч., а не видимъ тѣхъ же словъ по южному (отъ Москвы) произношенію: абáбокъ, абáполъ, развалистый, разорва, ссáривать; и здѣсь очевидно послѣднее правописаніе, отчасти, было бы еще вѣрнѣе; многократное отъ *ссорить* будетъ ссáривать; а если, по мѣстному произношенію, всѣ словá съ предлогомъ *раз* писать также *роз*, то будетъ много лишняго труда: тогда, повторяю, придется удвоить объемъ словаря, ради одной буквы *о*, которая на всемъ сѣверѣ и востокѣ произносится какъ *о*, а на югѣ и западѣ какъ *а*; тогда не только надобно помѣстить вдвойнѣ также всѣ слова съ буквою *ѣ*, для новгородскаго говора, и писать ихъ также черезъ *и*, не только надо принять въ словарь *ряшйться*, *нявйста* и *нявистка*, которыя и дѣйствительно приняты, но также *невиста* и *нéвѣста*, и перепечатать весь словарь до четырехъ разъ, по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, да большую часть его еще раза четыре, по мѣстнымъ говорамъ поднарѣчій.

Для нѣкоторыхъ словъ и слѣдовали этому правилу; мы находимъ въ словарѣ: *Бажáтъ*, *бажáтка* и *божатъ*, *божатка*, каждое порознь, на своемъ мѣстѣ; также *разлика* и *розлика*; *снаровить* и *сноровить*; *снафида* и *снофида*; *лѣстовка* и *листовка*; *вокнó*, *вóко (окно, око)*; *сломокъ* и *яломокъ*; *запсáтить* и *запсóтить*; *мочка* и *моцка*; *собча* и *собца*; но слова эти попали вдвойнѣ случайно, ихъ вообще немного, прочія писаны по тому либо другому говору, какъ попадались. Зато немало такихъ словъ, которыя собирателемъ были написаны, по общему правописанію, чрезъ *о*, хотя нарѣчіе или говоръ, къ коему они причислены по словарю, и требовалъ буквы *а*; напримѣръ, Обáбокъ (смол.), поскуда (кур., тул.), сорóка (тул.); сорóмно (смол.), солянка (кур.), солотина (моск.), соломáтникъ (тамб.) и пр. Такихъ словъ найдется весьма много, и они должны ввести въ грѣхъ вся-

каго неопытнаго изыскателя, который, видя, что въ словарѣ вообще принято правописаніе по произношенію, долженъ причислить губерніи: Смоленскую, Курскую, Тульскую, Тамбовскую и Московскую къ числу окающихъ.

Чтобы рѣшить эти довольно затруднительныя недоразумѣнія, я долженъ предварительно надоскучить читателямъ разсмотрѣніемъ слѣдующихъ главныхъ вопросовъ:

1) Какія есть у насъ нарѣчія и говоры, гдѣ именно и какія ихъ существенныя примѣты?

2) Какое правописаніе должно быть принято въ словарѣ нарѣчій, для ясности, однообразія и удобства?

3) Какой видъ долженъ быть приданъ словарю нарѣчій, какимъ образомъ его расположить, для болѣе удобнаго употребленія?

О нарѣчіяхъ великорусскаго языка.

Самый оглавокъ этотъ показываетъ, что здѣсь не будетъ рѣчи о языкѣ малорусскомъ; бѣлорусское же нарѣчіе нѣкоторыми причисляется къ великорусскому языку, другими также отдѣляется. Переходъ къ нему, впрочемъ, постепенный и грамматика почти одна и та же, великорусская.

Всякій изъ насъ и нехотя замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ говорятъ *па-масковски*, свысока, т. е. акаютъ, а въ другихъ, напротивъ, низкій говоръ, на *о*, или окаютъ. Говоръ на *о* долженъ быть весьма древній; имена Труварусъ, Ингваръ передѣланы были искони въ Труворъ, Игорь. Это различіе извѣстно всякому; и точно, оно самое существенное, хотя и далеко недостаточно для распредѣленія нарѣчій.

Н. И. Надеждинъ отличаетъ напередъ два главныя нарѣчія: *понтійское* и *балтійское*, по водораздѣлу, южное и сѣверное, или *мало-* и *бѣлорусское*. Первымъ говорятъ несторовскіе: Угличи, Тиверцы, Дулѣбы, Суличи, Сѣверяне, Поляне, Горяне. Второе, въ предѣлахъ бывшаго Литовскаго княжества: Бѣлая и Черная Русь (Ковно, Гродно, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ, часть Вильны и Чернигова, Смоленскъ, часть Пскова). Это несторовскіе Древляне, Дряговичи, Полочане, Кривичи, Вятичи, Радимичи. Рѣки Припеть и Сожь (а Десна?) раздѣляютъ эти два колѣна, отъ которыхъ, при сліяніи съ чудскими племенами, далѣе на востокъ, образовался великорусскій языкъ, раздѣлившійся на два нарѣчія, по *аканью* и *оканью*.

На *о* говорятъ: въ древнемъ Новгородѣ, въ удѣлѣ Долгоруковичей, т.-е. въ Суздалѣ, Ростовѣ, Твери, Бѣлозерѣ, Галичѣ сѣв., Вел. Устюгѣ, Костромѣ, Нижнемъ. На *а*: въ Рязани, а потомъ

по Окѣ, составляющей взаимные предѣлы этихъ нарѣчій, на нижнюю Волгу.

Примѣты этихъ нарѣчій: Въ говорѣ на *о*, буква *г* произносится твердо или густо, какъ латинское g; третье лицо глаголовъ кончаютъ на *ъ* и никогда не откидываютъ *т*: онъ хóдитъ, лю́битъ; *ч* иногда походитъ на *ц*; *ѣ* иногда звучитъ какъ *и*.

Въ говорѣ на *а*: буква *г* произносится какъ придыханіе (латинское h); третье лицо глаголовъ кончаютъ на *ь*: онъ хóдить, лю́бить, даже лю́беть; а гдѣ удареніе на *е*, тамъ иногда *т* вовсе откидывается: онъ идё, везё, берё; буква *ч* произносится чисто, но вмѣсто *щ* иногда *шт*.

Замѣчанія эти дѣльны, но не всѣ вѣрны, и противу нѣкоторыхъ положеній нельзя не сдѣлать кой-какихъ замѣчаній. Если великорусскій языкъ произошелъ отъ слiянія мало- и бѣлорусскаго, и при этомъ говоры на *а* и *о* скрестились — первый прошелъ отъ запада черезъ Москву на югъ, второй съ юга на сѣверо-востокъ — то, по-крайности, нѣтъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, которые бы дали намъ право предполагать, во время Нестора, присутствіе малоруссовъ въ означенныхъ предѣлахъ. Напротивъ, исторія этому противорѣчитъ. Раздѣленіе великорусскаго языка только на два нарѣчія недостаточно. Утверждая, что рязанское нарѣчіе приближается къ малорусскому, а новгородское къ бѣлорусскому, сочинителю слѣдовало развить ближе мысль свою, потому-что принятые имъ же самимъ главные признаки противорѣчатъ этому сходству: бѣлорусское и рязанское нарѣчіе, напротивъ, сходствуютъ между собою, по аканью, а малорусское и новгородское между собой, по оканью. Предполагаемое сочинителемъ стороннее вліяніе на малорусскій языкъ Кавказа и даже мѣстностей еще болѣе отдаленныхъ не объяснено и остается темнымъ. Сѣверное и восточное нарѣчія (новгородское и владимірское) до того спутаны, что одинъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ перваго, *и* вмѣсто *ѣ*, по видимому, приписанъ обоимъ; напротивъ, *ц* вмѣсто *ч* можно слышать и въ говорѣ на *а*, напримѣръ, въ Нижнеломовскѣ и около Касимова. Въ новгородскомъ нарѣчіи (на *о*) также иногда откидывается *т*, въ третьемъ лицѣ глаголовъ, и говорятъ именно: онъ лю́би, онъ хóди и проч.

И. П. Сахаровъ («Сказанія», т. I) принимаетъ четыре великорусскія нарѣчія: новгородское, московское, суздальское и владимірское; но въ другомъ мѣстѣ, въ оглавленіи будущаго содержанія третьяго тома, онъ ставитъ на мѣсто владимірскаго заволжское, а затѣмъ дѣлитъ: 1) московское — на московское, тульское,

рязанское, калужское, тверское и владимірское; 2) новгородское — на новгородское, архангельское, онежское; 3) суздальское — на суздальское, ярославское, костромское, галицкое, муромское; 4) заволжское — на вологодское, пермское, устюжское, сибирское, офенское.

Я долженъ сознаться передъ И. П. Сахаровымъ, что такого дѣленія нарѣчій вовсе не понимаю; не знаю и не вижу, что могъ имѣть въ виду такой знатокъ народности русской, какъ онъ, принимая подобное раздѣленіе. По какимъ признакамъ можно владимірское и рязанское нарѣчія соединить въ одно, и притомъ московское? Во всей Россіи нѣтъ двухъ болѣе противоположныхъ нарѣчій, какъ именно владимірское и рязанское; если ихъ соединить подъ общими признаками, то дѣло кончено и у насъ нѣтъ никакихъ нарѣчій. Вообще, во всемъ раздѣленіи этомъ разнородное совокуплено, однородное разнесено врозь. Думаю, что И. П. шелъ по какимъ-нибудь произвольнымъ признакамъ, которыхъ до времени намъ не объясняетъ, хотя М. А. Максимовичъ и вызывалъ его на это и всѣ любители народности приняли бы съ признательностію объясненіе такой загадки. А можно ли офенскій языкъ ставить на ряду съ другими, въ видѣ поднарѣчія? Да это языкъ искусственный, вымышленный исподволь для плутовскихъ совѣщаній торгашей, а не нарѣчіе; тогда надо также признать за нарѣчія языки: бывшихъ волжскихъ разбойниковъ, конскихъ барышниковъ, конокрадовъ и коноваловъ, петербургскихъ и московскихъ мазуриковъ (воровъ), наконецъ и кяхтинскій торговый языкъ, и говоръ школьниковъ по херамъ, и проч.

М. А. Максимовичъ («Начатки Русск. Филол.» 1848), устраняетъ языкъ южно-русскій, дѣлитъ сѣверный на велико- и бѣлорусское нарѣчія, а великорусское (или сѣверно-русское) основательно на четыре нарѣчія: въ сѣверо-восточной части, гдѣ окаютъ, 1) верхне-русское, или новгородское, 2) нижне-русское, или суздальское; въ южной, гдѣ акаютъ, 3) средне-русское, или рязанское, и 4) московское, сдѣлавшееся общимъ, или образцовымъ.

Почти все, что М. А. Максимовичъ говоритъ объ этомъ распредѣленіи нарѣчій, вѣрно; онъ владѣетъ завидною способностію схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила; у меня есть замѣтки и образцы нарѣчій почти всѣхъ уѣздовъ, не только каждой губерніи, — я рѣдко затрудняюсь узнать, по говору, родину крестьянина, не только по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, но и нѣсколько ближе или точнѣе, а между тѣмъ, какъ читатели,

къ сожалѣнію, увидятъ изъ настоящей статьи, не съумѣю привести примѣтъ этихъ подъ общія грамматическія правила:

1) Въ верхне-русскомъ — говоритъ М. А — господствуетъ новгородское, ókающее и принимающее *ѣ* за тонкое *и* (какъ въ малорусскомъ) и опускающее въ третьемъ лицѣ глаголовъ окончаніе на *тъ*; напримѣръ: онъ возьме', хóди, лю́би (вопреки Надеждину).

2) Нижне-русское, или суздальское, окаетъ, не ставитъ *и* вмѣсто *ѣ*, не обращаетъ окончанія родит. падежа *аго*, *его* въ *аво*, *ево* (?)

3) Средне-русское нарѣчіе — продолжаетъ М. А. — обращаетъ *о* безъ ударенія въ дебелое *а*; букву *г* въ латинское h, какъ и въ бѣло- и малорусскомъ; *в* остается мягкимъ, не произносится какъ *ф*; въ глаг. 3 л. вмѣсто *тъ* ставитъ *ть*; вмѣсто прибавочной части *ся*, употребляетъ *си*; вмѣсто *о*, въ глаголахъ, *ы* (мыю, крыю); но не дзѣкаетъ, чѣмъ отличается отъ нарѣчія Бѣлорусовъ.

4) Московское нарѣчіе обращаетъ *о* безъ ударенія въ легкое *а*.

Здѣсь должно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: 1) Въ новгородскомъ нарѣчіи опущеніе *тъ* въ 3 л. глаголовъ не только не есть общее правило, но довольно рѣдкое, хотя и весьма замѣчательное исключеніе. 2) Въ суздальскомъ нарѣчіи вообще въ окончаніи прилагательныхъ буква *г* произносится какъ *в*; *г*, какъ пишется, произносятъ, напротивъ, также въ видѣ изъятія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго, новгородскаго говора — о чемъ будетъ говориться ниже — но признакъ этотъ, относимый М. А. Максимовичемъ къ суздальскому нарѣчію, принадлежитъ собственно южному, рязанскому.

Противъ самаго распредѣленія этого можно только замѣтить, что здѣсь недостаетъ нарѣчій: смоленскаго, сибирскаго, новороссійскаго, донскаго; что названія верхне-, средне- и нижнерусское сбивчивы и не совсѣмъ удобны. Впрочемъ, сибирское поименовано въ поднарѣчіяхъ, и, можетъ-быть, это правильнѣе.

Обращаюсь къ изложенію своего взгляда на великорусскія нарѣчія, который, впрочемъ, только дополняетъ болѣе или менѣе положенія Н. И. Надеждина и М. А. Максимовича.

Огромность пространства, на которомъ говорятъ русскимъ языкомъ, однообразіе его и постепенность оттѣнковъ въ нарѣчіяхъ къ предѣламъ Царства, заставили-было меня нѣкогда подозрѣвать въ дѣлѣ этомъ какой-либо общій законъ: въ восточныхъ языкахъ господствуютъ гортанные звуки, гласныя *а*, *о*, *у* не такъ рѣзко одна отъ другой отличаются и нерѣдко обращаются въ полугласныя; въ западныхъ находимъ полнозвучіе гласныхъ, есть придыханіе (h), есть иногда и носовые звуки, жосткость

согласныхъ смягчается; на сѣверѣ много жосткихъ и сиплыхъ согласныхъ буквъ, много растянутыхъ двугласныхъ (гласныхъ сложныхъ). Къ этому, казалось мнѣ, можно примѣнить и говоръ разныхъ концовъ Россіи; но это была мечта. Въ этомъ отношеніи можно только развѣ допустить, что пензенское и вятское *уо* вмѣсто *о* должно быть чудскаго происхожденія; что тутъ и тамъ осталось въ оборотѣ нѣсколько словъ, принадлежащихъ языку обрусѣвшаго племени; что по западной границѣ нашей сосѣдніе языки остались не вовсе безъ вліянія на русскій; всѣ остальные оттѣнки выработались, отъ неизвѣстныхъ причинъ, дома; вѣроятно, это въ связи съ обрусѣніемъ разныхъ чудскихъ племенъ, составлявшихъ самую значительную часть населенія Россіи; но оговоримся и тутъ: вслушиваясь въ языки этихъ народовъ, напримѣръ въ корельскій, мордовскій, чувашскій и проч., и прислушиваясь къ искаженному русскому говору тѣхъ изъ нихъ, которые еще не обрусѣли, не находишь почти никакой связи между этимъ обстоятельствомъ и мѣстнымъ русскимъ нарѣчіемъ. Такъ, напримѣръ, у Чувашъ нѣтъ мягкихъ б, г, д, ж, з, ц, а вмѣсто ихъ п, х, т, ш, с, ч; вмѣсто ѳ и ф — хв-, х; но *хо́тны*, *то́пры*, *шиво́й*, *сола́*, *чаръ*, *Хвёдоръ*, *Хили́пъ* (годный, добрый, живой, зола, царь, Ѳедоръ, Филипъ) говорятъ только плохо знающіе по-русски; обрусѣвшіе отстаютъ вовсе отъ этого произношенія, вполнѣ принимая мѣстный говоръ. Поблизости Татаръ, Калмыковъ, Болгаръ, Грековъ, Армянъ и другихъ инородцевъ, даже около нѣмецкихъ переселенцевъ, русскіе переняли отъ нихъ нѣсколько словъ или оборотовъ; но это вліяніе довольно ничтожно. Залѣсскій край, на востокъ отъ Москвы, безспорно весь населенъ былъ разною Чудью; Владиміръ-Залѣсскій, равно Переяславъ, Стародубъ на Клязмѣ, Галичъ, Звенигородъ,—всѣ названія эти перенесены съ юга, при основаніи на занятыхъ мѣстахъ новыхъ городовъ; это могло бы послужить поводомъ для приписанія восточнаго нарѣчія вліянію Чуди; но самое близкое къ нему, по говору, сѣверное, и также óкающее, жило искони, а на югъ отъ Москвы акающія нарѣчія также образовались при обрусѣніи чудскихъ же племенъ. На чемъ основано это столь существенное различіе?

Въ мѣстахъ, гдѣ половина мужскаго населенія постоянно бываетъ въ заработкахъ на чужбинѣ, народный говоръ постепенно сглаживается и поддерживается почти только бабами. Нѣкоторыя измѣненія въ говорѣ вводятся и обыкомъ или модой: напримѣръ, шепелянье Уралокъ, шиканье Самарокъ, вычурное произношеніе Ржевокъ. Само собой, что переселенія надолго, если не навсегда,

покидаютъ сильные слѣды сторонняго нарѣчія · въ мѣстностяхъ, напримѣръ, гдѣ цокаютъ или чвакаютъ, нерѣдко находимъ въ одномъ и томъ же селеніи людей безъ этой особенности въ говорѣ, иногда нельзя доискаться причины такой странности, — ихъ называютъ старожилами; но будьте увѣрены, что въ такой семьѣ говоръ этотъ ведется и держится женскимъ колѣномъ, по которому она въ-свойствѣ съ чужбиной.

Образованность и просвѣщеніе сглаживаютъ постепенно различіе нарѣчій, проходя повсюду съ уровнемъ своимъ, языкомъ письменнымъ; но это подаетъ много повода къ недоразумѣніямъ и невольнымъ злоупотребленіямъ: вотъ происхожденіе нарѣчія *галантерейнаго*, говора сидѣльцевъ.

Построеніе городовъ, гдѣ сосредоточивается дѣятельность народа, то около набродпаго и отчасти грамотнаго населенія среднихъ сословій, то около людей, вскормленныхъ остріемъ пера, повитыхъ въ гербовомъ листѣ, измѣняетъ нѣсколько и выравниваетъ мѣстный говоръ, образуя въ тоже время особое нарѣчіе, извѣстное подъ названіемъ *приказнаго*.

По всему этому очевидно, что мы здѣсь будемъ говорить почти только о языкѣ или нарѣчіяхъ простаго народа, который, по косности своей, всегда удерживаетъ болѣе кореннаго и самобытнаго, а по невѣжеству въ дѣлѣ ученаго языковѣдѣнія не умничаетъ, не искажаетъ языка, какъ мы, у которыхъ въ этомъ отношеніи умъ за разумъ зашелъ. Отъ этого составляемыя народомъ безсознательно реченія мѣтки, вѣрны и правильны; составляемыя нами, напротивъ, вялы, пошлы и ошибочны.

Трудно рѣшить положительно, чтò называется языкомъ, чтó нарѣчіемъ, а чтó говоромъ. Нарѣчіемъ называютъ обыкновенно языкъ не довольно самостоятельный и притомъ столь близкій къ другому, что, не нуждаясь ни въ своей особенной грамматикѣ, ни въ словарѣ, можетъ быть хорошо понимаемъ тѣмъ, кто знаетъ первый. Называютъ также нарѣчіемъ — болѣе въ политическомъ смыслѣ — областной или мѣстный говоръ небольшой страны; или языкъ мѣстный, искаженный, какъ полагаютъ, отшатнувшійся отъ кореннаго языка. Вообще языкъ, которымъ говоритъ большинство, а тѣмъ болѣе сословіе образованное, языкъ письменный, принимается за образцовый, а всѣ уклоненія его за нарѣчія. Спорить противу общаго закона господства просвѣщенія нельзя; но господство того либо другаго нарѣчія надъ прочими — дѣло случайное, и всѣ они равно искажены и равно правильны. Возьми у насъ въ былое время Новгородъ, Псковъ или Суздаль перевѣсъ надъ Москвою, и нынѣшній московскій языкъ слылъ бы мѣст-

нымъ нарѣчіемъ. Поэтому не было бы повода почитать московское нарѣчіе болѣе чистымъ и правильнымъ, чѣмъ мало- или бѣлорусское, если бы это нарѣчіе не обратилось въ языкъ правительства, письменности и просвѣщенія.

За самостоятельный, по развитію и обращенію, языкъ должно признать тотъ, у котораго есть своя грамота и письменность; за нарѣчіе — незначительное уклоненіе отъ него, безъ своей грамоты и письменности; говоръ — еще менѣе значительное уклоненіе, относящееся болѣе къ особенностямъ произношенія и напѣву, по пословицѣ: что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай; что дворъ, то говоръ.

Выраженія: *молвь* и *рѣчь* могутъ служить для обозначенія поднарѣчій: молвь отвѣчаетъ болѣе подчиненному понятію нарѣчія, а рѣчь ближе относится къ говору.

Человѣкъ не можетъ писать одинаково хорошо или ровно на двухъ языкахъ: на это конечной и ограниченной природы его недостанетъ. Нѣтъ мысли, нѣтъ думы, нѣтъ понятія безъ словъ; плотская природа наша не даетъ духовному началу въ насъ никакой власти безъ словесной рѣчи. А на какомъ языкѣ я мыслю, на томъ только я и могу писать; иначе это будетъ не подлинникъ, а переводъ. Вотъ почему всѣ мы дурно пишемъ по-русски: способности наши смолоду угнетены изученіемъ иностранныхъ языковъ; насъ заставляютъ говорить на нихъ отъ колыбели; въ-послѣдствіи мы читаемъ болѣе книгъ иностранныхъ — за что, конечно, пенять нельзя — но такимъ-образомъ, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, мы незамѣтно пригнетаемъ умственныя способности свои и дѣлаемся тупѣе, не будучи въ силахъ ни ясно выразиться, ни ясно мыслить.

Обращаюсь къ распредѣленію нарѣчій.

На распутіи промежь Ростова, Новгорода, Твери, Владиміра, Суздаля, Рязани, Курска, Смоленска и другихъ городовъ, на рѣчкѣ, носившей чудское названіе «мягкой воды», основалась Москва, на два-девяносто верстъ отъ ближайшихъ къ ней древнихъ столицъ, и она же соединила ихъ подъ свою державу. На этомъ общемъ распутіи столкнулись нарѣчія, или говоры четырехъ странъ, и тутъ образовался свой говоръ, принятый нынѣ какъ образцовый, хотя даже и Москвичи не остались безъ присловья: Съ Масквы́, съ паса́да, съ авашно́ва ря́да.

1) Итакъ, первымъ нарѣчіемъ великорусскимъ будетъ у насъ *московское*, самое малое по занимаемой имъ мѣстности, самое обширное по распространенію своему на всю Русь. Московскимъ нарѣчіемъ говоритъ самая небольшая часть народа, почти только въ стѣнахъ Москвы; но это языкъ письменный и правительственный и языкъ высшаго, а отчасти и средняго сословія, языкъ всѣхъ образованныхъ русскихъ, московскаго дворянства и купечества. И въ этомъ нарѣчіи слышатся иногда неправильности, въ родѣ: онъ былъ ушедши, мы были пріѣхавши; но такъ-какъ обороты эти не могли зайти туда съ языковъ иноземныхъ, развѣ съ татарскаго, на которомъ есть нѣчто похожее, то, можетъ-быть, и слѣдовало бы исправить не московское нарѣчіе по грамматикѣ Н. И. Греча, а наоборотъ, Греча грамматику по московскому говору. Не шутя, грамматическая неправильность эта въ общемъ ходу по всей Россіи; почему же не признать ее правильною?

Если подняться на золотыя маковки Бѣлокаменной, то можно окинуть глазомъ пространство во всѣ четыре стороны, гдѣ уже говорятъ иначе, и едва ли не во всѣ четыре стороны иначе. Видно, тутъ, на распутіи, столкнулись всѣ нарѣчія и говоры наши и изъ нихъ выработалось новое, которое, по закону господства духа надъ плотію, усвоило себѣ никѣмъ не оспариваемое первенство.

Въ Москвѣ говорятъ *свысока́*, *высокою рѣчью*, то-есть любятъ гласный звукъ *а* и замѣняютъ имъ звукъ *о*, коли на немъ нѣтъ ударенія. Говорятъ: харашо, гаварить, талкавать, но это аканье бываетъ умѣренное, иногда *а* слышится почти только полугласное; оно составляетъ средину между двумя говорами, которые рѣзко и до приторности придерживаются двумъ крайностямъ, рѣчи на *а* и на *о*. Только немногія Московки разстанавливаютъ слоги, въ плавной и важной пѣвучей рѣчи, и произносятъ московское *а* протяжнѣе и полновѣснѣе; бо́льшею же частію письменный знакъ *о*, безъ ударенія, сымается на нѣтъ подъ звукъ *а*. Прошу простить мнѣ это плотницкое выраженіе. Чадо, чудо слышится и въ самой Москвѣ почти какъ чядо, чюдо; прочіе звуки чисты и отчетисты; буква *г* произносится не очень круто, и въ нѣкоторыхъ словахъ съ легкимъ придыханіемъ; есть разница въ произношеніи словъ: гробъ или голубь и богатый, Господи (grob, hospodi). По этому поводу въ одной лѣтописи говорится, что появившася нѣцыи философы, наченшіе пѣти *Осподи* вмѣсто *Господи*; эти философы очевидно были пѣвчіе съ юга. Далѣе, окончанія аго, ого, яго, его измѣняются въ аво, ева; вообще въ бесѣдѣ

примѣшиваютъ менѣе иноземныхъ словъ, чѣмъ въ другой столицѣ нашей, охотно и безъ натяжки употребляютъ коренныя русскія слова и нерѣдко даютъ рѣчи хорошій русскій оборотъ.

Въ Московской губерніи говорятъ различно: въ *Клинѣ* — поновгородски, въ *Можайскѣ* — почти по-смоленски — хвилинъ, целавѣкъ, уфостье, въ *Коломнѣ* — по-рязански, въ *Богородскѣ* — посуздальски. Во многихъ мѣстахъ Московскаго уѣзда можно слышать: ндравъ, лицовъ, огнёвъ; также ручникъ и вечерница, вмѣсто утиральника и посидѣлокъ.

Отъ Москвы на сѣверъ господствуетъ нарѣчіе *новгородское;* на югъ — *рязанское;* на востокъ — *владимірское;* на западъ — *смоленское.* Объяснимъ это ближе, принявъ тотъ порядокъ для нарѣчій этихъ, который удобнѣе.

2) Отъ Москвы на востокъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, замѣтна уже наклонность произносить звукъ *о* всюду, гдѣ онъ есть на письмѣ; около Владиміра оканье достигаетъ уже высшей степени; тамъ, для полногласія, вставляютъ *о* во многія слова: Володиміръ, волога (влага), бологo (благо) и прочее; сверхъ того, даже самое *а*, безъ ударенія, нерѣдко обращается въ *о*: стоканъ, холатъ, озямъ, тороканъ, Огрофена, Iросковья, Ондрей. Этотъ говоръ идетъ далѣе на востокъ чрезъ всю Россію, не исключая Сибири, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ подверженъ частнымъ измѣненіямъ, но вообще нигдѣ, кромѣ развѣ Костромы, не достигаетъ такой крайности, какъ во Владимірѣ.

3) Отъ Москвы на западъ высокій говоръ, или аканье, постепенно усиливается и, принимая еще нѣсколько другихъ особенностей, переходитъ въ нарѣчіе бѣлорусское, которое вовсе не терпитъ звука *о*, замѣняя его, безъ ударенія, звукомъ *а*, съ удареніемъ же — звукомъ *у* или *уы.* Буква *а* съ удареніемъ почти сдваивается: хаадюцъ (ходитъ), г(h)аарушка (горка); столъ произносится сталъ, стулъ или стау; волкъ — ваукъ, вуыкъ, и проч.

4) Отъ Москвы на сѣверъ языкъ принимаетъ говоръ новгородскій, который очень близокъ ко владимірскому, и хотя въ различныхъ мѣстностяхъ выказываетъ свои особенности, не менѣе того едва ли представляетъ общій всему краю отличительный признакъ. Вѣрнѣйшая примѣта, коли слышится *и* вмѣсто *ѣ*, какъ на Украйнѣ: хлибъ, сино, бида; но это встрѣчаемъ не вездѣ. Что въ промежуточной Твери господствуетъ смѣшеніе нарѣчій, объ этомъ было уже упомянуто выше.

5) На югъ отъ Москвы разливается нарѣчіе рязанское, которое, отличаясь отъ западнаго, или смоленскаго, гораздо положительнѣе, чѣмъ сѣверное отъ восточнаго, раздробляется почти по

губерніямъ на говоры. Въ рязанскомъ нарѣчіи акаютъ, замѣняя даже *е*, *ѣ* буквами *а*, *я*, напримѣръ: табѣ, яму; но *о* съ удареніемъ слышно; сверхъ того произносятъ окончаніе аго, яго какъ оно пишется, не вставляя *в* вмѣсто *г*.

6) Отъ этихъ нарѣчій отличается нѣсколько сибирское, смѣшанное, часто перестанавливающее ударенія, но вообще окающее, и

7) Новорусское, смѣсь велико- и малорусскаго. Сюда же можно причислить и говоръ донской, или назвать его осьмымъ.

Вотъ восемь нарѣчій русскихъ, или, за исключеніемъ московскаго, какъ письменнаго, а сибирскаго и новорусскаго какъ болѣе смѣшанныхъ, только четыре, по четыремъ странамъ свѣта отъ Москвы; съ ними, а равно съ видами ихъ необходимо познакомиться каждому, кто занимается собраніемъ простонародныхъ словъ, или вообще изучаетъ языкъ нашъ съ корня, а не со скороспѣлыхъ ягодокъ, съ червоточиной. Разсмотримъ каждое изъ четырехъ нарѣчій этихъ нѣсколько подробнѣе.

II

Сѣверное нарѣчіе, или новгородское, ильменское, верхне-русское, господствуетъ на сѣверѣ отъ Москвы и на сѣверо-востокѣ. Давно уже было замѣчено сходство этого нарѣчія съ малорусскимъ. Можно бы предположить, что ильменскіе Славяне, огласившіеся въ половинѣ IX вѣка, вышли съ юга, отдѣлившись отъ Славянъ днѣпровскихъ, и принесли съ собою на сѣверъ южное нарѣчіе. Но М. П. Погодинъ замѣтилъ противъ этого, что не только во время Рюрика, а и до нашествія Татаръ, въ Малой Руси жило не нынѣшнее племя; въ противномъ случаѣ въ южныхъ лѣтописяхъ нашихъ осталось бы болѣе слѣдовъ малорусскаго нарѣчія и Украинцы, народъ пѣвучій и весьма склонный къ думамъ и былинамъ (въ противность отъ великорусовъ), сохранилъ бы въ памяти своей хотя Владиміра. Но этого нѣтъ; а есть на Украйнѣ много воспоминаній о Карпатахъ, откуда народъ этотъ, вѣроятно, вышелъ въ позднѣйшее время и гдѣ понынѣ Русины и Руснаки говорятъ этимъ же самымъ нарѣчіемъ.

Но такъ-какъ при всемъ томъ Русскіе пришли на Ильмень съ юга, общей ближайшей къ намъ родинѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, то можно, по-крайности, сказать, что Новгородцы понынѣ удержали въ языкѣ нѣсколько болѣе исконнаго, тогда-какъ по направленію на Рязань и на Владиміръ языкъ этотъ, при смѣ-

шеніи народа съ чудскими племенами, принялъ тутъ и тамъ другую краску.

У Новгородцевъ грамматика и самый говоръ не малорусскіе, а великорусскіе, такъ-что въ общихъ съ Украйною словахъ большею частію и удареніе перенесено на другой слогъ, на великорусскій ладъ; не-менѣе-того мы слышимъ тамъ немало украинскихъ словъ, неизвѣстныхъ въ восточномъ, также окающемъ, нарѣчіи. Южное, или рязанское нарѣчіе могло принять нѣсколько малорусскаго по сосѣдству; но какимъ образомъ слова эти прошли на сѣверъ?

Можетъ-быть, разгадку надо искать въ томъ, что слова эти зашли на сѣверъ не изъ Малой, а изъ Бѣлой Россіи, чрезъ Тверь и Псковъ; тогда все сходство новгородскаго нарѣчія съ кіевскимъ ограничится наклонностію перваго къ замѣнѣ буквы *ѣ* буквою *и*. Но правда, что встрѣчаемъ на сѣверѣ нѣсколько малорусскихъ словъ, которыхъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи нѣтъ. Вотъ нѣсколько десятковъ словъ, для примѣра, записанныхъ въ разныхъ сѣверныхъ губерніяхъ:

Новгородской.

Пончохи, чулки.
Черевики, башмаки.
Свитка, сермяга.
Швецъ, портной (въ малорусск. чеботарь).
Почекáть, подождать.
Позвонецъ, колокольчикъ
Домовище, гробъ.
Орать, пахать.
Дѐковаться, насмѣхаться.
Пѣýнъ, пѣтухъ (пивень).
Скúпа, ломоть.
Чуть, чуять, слышать.
Хоронить, прятать.
Даси, дашь.

Тверской.

Трóхи, мало.
Сподóбить, полюбить.
Досыть, довольно.
Краше, лучше.
Горше, больше.
Полúца, полка.
Шкóда, изъянъ.

Зробить, сдѣлать.
Уперши, впервые.
Торба, мѣшокъ.
Толока, помочь.
Горѣлка, водка.
Хата, изба.
Вжехнуться, испугаться.
Дужа, очень.
Знайти, найти.
Цибуля, лукъ.
Хувать, прятать.
Сопсовать, разбить.
Поретовать, спасать.

Олонецкой.

Ледащій, плохой.
Худоба, имущество.
Сукманка, понитникъ.
Робить, работать.
Слухать, слушать.
Голосить, выть, плакать.

Вологодской.

Бажить, желать.
Гоготать, болтать, говорить.
Годѣ, годи, довольно.
Губы, грибы.
Долонь, ладонь.
Дядина, жена дяди.
Заскородѣть, зачерствѣть.
Робить, работать.
Хлюпать, ходить по грязи.
Опинаться, мѣшкать.
Смаковать, вкушать.
Що, что.
Добродій, благодѣтель.
Завсе, всегда.
Добре, хорошо.
Заразъ, тотчасъ.
Осмокотать, обсосать.
Притулиться, прислониться.

Архангельской.

Глызка, кусочекъ.

Гука́ть, кричать.

Едный, однимъ-одинъ.

Женка, баба.

Запатра́ть, замарать.

Ка́пость, пакость.

Колышень, водная зыбь.

Послухмя́ный, послушный.

Ручни́къ, утиральникъ.

Стрѣлить, выстрѣлить.

Мѣхоно́ша, кто мѣшокъ носитъ на колядкахъ.

Очапо́къ, волосни́къ.

Звонъ, колоколъ.

Пермской.

Бокла́га, боченокъ.

Верещáть, визжать.

Доскона́льно, подлинно.

Запло́тъ, заборъ.

Каюкъ, челнокъ.

Клюка́, кочерга.

Жменя́, горсть.

Мото́рный, бойкій.

Ночо́вки, лотокъ.

Сдивоваться, удивиться.

Независимо отъ словъ, сходство новгородскаго съ малорусскимъ, по произношенію, заключается въ слѣдующемъ:

1) Говоръ низкій, на *о*. 2) *И* вмѣсто *ѣ*. 3) Въ окончаніи прилагательныхъ произносятъ *г*, а не *в*. 4) Буквы *в*, *у* замѣняютъ другъ друга. 5) Буквы *ф*, *х*—также. 6) Частица що вмѣсто что́.

Всѣ примѣты эти не общія, но всѣ онѣ встрѣчаются мѣстами въ области новгородскаго нарѣчія.

Къ новгородскому нарѣчію надо причислить: Новгородъ, Тверь, Псковъ, Питеръ, Олонецъ, Архангельскъ, Вологду, отчасти Кострому, Вятку и Пермь. Повторяю, предѣлы нарѣчій и губерній или уѣздовъ не совпадаютъ: въ цѣлой области этой крайнія полосы переходныя; можетъ-быть, современемъ сырты и рѣки послужатъ для болѣе точнаго и положительнаго разграниченія нарѣчій, но при нынѣшнихъ данныхъ мы еще не въ-состояніи этого сдѣлать. Въ Псковской, по уѣздамъ, слышится сильное вмѣшательство бѣлорусскаго, а въ Тверской господствуетъ смѣ-

шеніе нарѣчій; въ Вологодской, Костромской, Вятской и Пермской мѣстами теряются и послѣдніе отличительные признаки новгородскаго говора отъ владимірскаго; зауральская часть Перми, по нарѣчію, принадлежитъ Сибири; даже часть Костромской и Нижегородской принадлежитъ новгородскому нарѣчію, — напримѣръ Кологривъ и Городецъ,—тогда-какъ Кострому и Нижній безспорно отнести надо ко Владиміру. Въ Питерѣ всего замѣтнѣе прямое искаженіе языка на французскій и нѣмецкій ладъ; Корелы, Зыряне, Пермяки, Вогулы, Вотяки, Черемисы, русѣя, переиначиваютъ нѣсколько языкъ нашъ. Чудскія племена вообще легко теряютъ языкъ и народность свою и въ-очью русѣютъ; это надо помнить, разсматривая таблицы и карту П. И. Кеппена; болѣе половины Россіи или подданныхъ ея носятъ на себѣ еще признаки чудскаго племени.

Въ новгородскомъ нарѣчіи находимъ мы всего болѣе старинныхъ русскихъ словъ; грамотность и, къ сожалѣнію, расколъ въ племени этомъ болѣе распространены и церковный языкъ ему знакомъ ближе. Слова: постать (пашня), студенецъ (колодезь), выть и уповодъ (участокъ дня), опакуша (изнанка), грáять (каркать), столованье, отповѣдь; волотъ (великанъ), борзо (очень), гонъ и гоны (миля), веретіе (открытая возвышенность), вервь, доспѣть, послухъ, сполохъ и проч. извѣстны только въ новгородскомъ нарѣчіи.

Тамъ же находимъ много мѣстныхъ словъ, не древнихъ и не перенятыхъ: божáтко (крестный отецъ), умирашка (покойникъ), тяжелкó (рабочая сермяга), береженикъ (праздничный сарафанъ), босовики (туфли), домаха (домосѣдка), поимáться (обѣщаться), поспасáть (поблагодарить), поманúть (погодить), жегáлка (свѣча), зазорúть (зажечь) и проч. Такихъ словъ въ новгородскомъ нарѣчіи болѣе, чѣмъ въ прочихъ: ихъ бы легко насчитать двѣ-три сотни.

Есть на сѣверѣ также немало словъ, употребляемыхъ тамъ въ иномъ значеніи: заколóть кого значитъ ушибить; кликать — побираться; дохóдный — доступный; бродúть — прокáзить; мостъ — сѣни; молúть, или принять, освѣжить, — рѣзать скотину; крáска — кровь; дворецъ — зáгородь; потерять — убить; кругъ — колесо; пахáть — местú; бѣдно — досадно; дивно — много.

Опишемъ примѣты новгородскаго нарѣчія:

1) Звукъ *о* господствуетъ, произносится всюду гдѣ пишется и даже иногда замѣняетъ *а* безъ ударенія, напримѣръ: торокáнъ, козна, борáнки; даже иногда удареніе, вопреки московскому,

переносится на *о* или *ё*, напримѣръ: вы говоритё, видитё, дѣво́чка, дѣво́нька, завсёгда, нико́гда.

2) Гдѣ мы пишемъ *ѣ*; тамъ Новгородцы произносятъ *и*, какъ дѣлаютъ въ Малой и Червонной Россіи. Примѣта эта существенна, потому-что не встрѣчается ни въ одномъ изъ прочихъ нарѣчій; но она и не есть общая во всей области сѣвернаго нарѣчія, а встрѣчается только собственно по губерніи Новгородской, по Тверской (тамъ, гдѣ окаютъ), въ сѣверной части Петербургской, по Ладогѣ, и по сосѣдству въ Вологодской. Мѣстами слышится тоже и въ отдаленіи отъ этихъ мѣстъ, напримѣръ у Кологрива, Костромской, у Городца, Нижегородской губерніи.

3) Звукъ *е* мѣстами не такъ часто переходитъ въ ё, какъ въ восточномъ нарѣчіи: ты веде́шь, мы веде́мъ, ты смѣе́шься, женка, черный, въ этихъ и другихъ *словахъ произносятъ* е, а не ё. Говорятъ даже кольце́, хороше́; но вмѣсто онъ, она, его, слышимъ: ёнъ, ёна и яно, евоновъ и во́ный. При вставкѣ *е*, *для полногласія, оно обращается въ ё* съ удареніемъ: верёхъ, добёръ, склёзко и даже зёлъ, вмѣсто: верхъ, добръ, скользко, золъ.

4) Окончанія · аго, яго, ого, его, вообще произносятся по-московски, т.-е. *в* вмѣсто *г*, но въ концѣ слышно *о*; мѣстами, однакожь, произносятъ букву *г* и говорятъ: твого̀, мого̀, до̀брого, худо́го; этотъ говоръ легко отличается отъ рязанскаго, гдѣ говорятъ какъ написано: тваяго̀, маяго̀, до́браго, до́бра́га и до́брава.

5) Буква *г* отвѣчаетъ латинской *g*, произносится немного тверже московскаго, приближаясь къ *к*; придыханія же (h), въ которое буква эта обращена на западѣ и югѣ отъ Москвы, на сѣверѣ (и востокѣ) не знаютъ во̀все.

6) Третье лицо глаголовъ оканчиваютъ на ъ (а не на ь), иногда откидываютъ тъ: онъ возьм', онъ хо́ди́, люби; ёнъ бра́жничае́, хрёсной поѣде́; около Бронницы слышимъ даже ёны ѣздя, любя (мн. ч.). Это признакъ весьма существенный, для отличія новгородскаго говора отъ владимірскаго; но и въ первомъ такой говоръ не общій.

7) Творительный и дательный падежи мн. ч. замѣняются одинъ другимъ — признакъ существенный, но также не общій. Новгородецъ ходитъ ногамъ, беретъ рукамъ, колетъ виламъ; онъ идетъ къ нами, *благодаренъ* вами, даетъ *овса* лошадьми. Мѣстами (Боровичи) путаютъ также родительный и предложный падежи женскаго рода: изъ Москвѣ, у рѣкѣ; поди къ рѣки, ударь по руки́, отъ ногѣ, стоять на одной ноги́. Изрѣдка винительный падежъ употребляютъ некстати съ предлогомъ: читать въ книгу; курить въ трубку.

Остальные признаки еще менѣе общи по всей области новгородскаго нарѣчія; а такъ-какъ я не беру на себя дѣлать подраздѣленія или опредѣлять прямо по мѣстности поднарѣчія, то выпишу здѣсь еще особенныя замѣтки, по губерніямъ и уѣздамъ.

Г. Новгородская. Въ *Бронницахъ* слышимъ: идета, сидита, смотрита, вмѣсто: идетъ, сидитъ, смотритъ; *мы-ка съ евоновы двёхъ копіёкъ не разбогатсіемъ. Боровичи* дзѣкаютъ: *за дзёрево циной сойдзёмси; тсяни, тсипунъ тсебѣ!* Но еще болѣе, чѣмъ дзѣканье, распространено, почти отъ Ладоги до Бѣлозера, косноязычіе другаго рода: цоканье и чваканье (чавканье), т.-е взаимная замѣна буквъ *ч*, *ц* одной другою: курича, улича, черква, чолковый; целовѣкъ, голцыть, цесть, сцытать. Странность эта не можетъ, впрочемъ, служить особенной примѣтой: она встрѣчается также въ прочихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ въ восточномъ: во Владимірской губерніи; въ Ардатовѣ, Нижегородской; въ южномъ: въ Пензенской Мещерѣ, также около Касимова, даже у Можайска и пр.

Въ *Кириловѣ* можно услышать восточный, особенно сибирскій, вопросъ: чего ты дѣлаешь? Тамъ же баба говоритъ дочери: *шурка, постановь селезнякъ на бабурку, а сама пользай на верёхъ*, т.-е. Сашка, поставь горшокъ на загнетку, а сама полѣзай на чердакъ.

Въ *Череповцѣ* говорятъ: *мѣнныя дзеньги*; що вмѣсто что; купечъ; свитъ конца́етца; букву *в*, послѣ гласной, измѣняютъ въ *у*: *піуо, піуцо* (пиво, пивцо); галки налятятъ, надо сясть, хочу исть (*и* вмѣсто *ѣ*). Уѣздъ этотъ раздѣляется Шексной пополамъ: по нагорной жители бойчѣе, виднѣе и нарѣчіе ихъ почище; на лѣсной и болотной сторонѣ вялы, невидны и болѣе искажаютъ языкъ.

У *Бѣлозера* говорятъ: убёгъ, сбёгъ, встрѣлъ (встрѣтилъ); умалительныя въ большомъ ходу; ёнъ, ёна; архимандрикъ; хватера, хвилинъ, Хвилипъ; мѣстами цокаютъ, но не всюду.

Около *Новгорода* любятъ частицы: ка, се, то: мы-ка не ходзимъ; се-то въ другорядь былъ; на Бѣлозерьѣ слышно болѣе отъ: говорятъ-отъ малый-отъ былъ; въ Боровичахъ прибавляютъ чу: тамо-чу, поди-чу.

Особенныя слова, въ *Боровичахъ*:

Тю́хтя — бѣлая смородина.
Пакша̀ — шуйца.

въ *Череповцѣ*:

Домаха — хозяйка.
Коршу́нья — курица.
Сту́пни — лапти.

въ *Новгородскомъ уѣздѣ:*

Калика — брюква.

Хряпа — первый капустный листъ.

Тягушки — рукавицы.

Губ. *Тверская* по говору самая безобразная, пестрая и смѣшанная. Туда изстари переселялись со всѣхъ концовъ, по поводу смутъ, войнъ, мора и пр.; здѣсь много Карелы, и дикой и обрусѣвшей, напримѣръ село Василево, у Торжка. Вообще окаютъ, дзѣкаютъ, цокаютъ и чвакаютъ, слышно *и* вмѣсто *ѣ*, даже иногда вмѣсто *е*: Павилъ. Вставляя *ю* вмѣсто *у*, даже вмѣсто *я*, напримѣръ: ткютъ, жнютъ, возютъ, рубютъ, водютъ, стюдено,—напротивъ, говорятъ *у* тамъ, гдѣ его нѣтъ: утвори, утопри, упорѣзать палецъ, упорознилъ, узгорода, съ палкуй, съ охотуй, вымую. Творит. и дат. падежи множественнаго числа замѣняютъ одинъ другимъ. Сколько у тебя братовъ, подушковъ, стекловъ. Я выстиру, сбѣгу, сдѣлу (выстираю, сбѣгаю, сдѣлаю); я дивусь, вѣду (дивлюсь, вѣдаю); 'тупай, 'мотри, врё'(шь); тихонькуй, съ матерьюй, съ дочерьюй; но даже въ Тверскомъ уѣздѣ есть селенія, гдѣ акаютъ, по-рязански. Вообще говоръ скоръ и рѣзокъ, отчего, напримѣръ, Кушалей прозвали частобаями.

Въ *Волочкѣ* говорятъ: мы знаема, дѣлаема — *а* вмѣсто *ъ*; принесай, унесай, вмѣсто принеси, унеси; мужскія имена оканчиваютъ на гласную, женскія—на *ъ* и *ь*: Авдоть, Ульянъ, Степухъ, Анюхъ; а вмѣсто Любовь — Любава; Петрей, Митрей, Милай (Нилъ); лито, мисто, викъ, рика; цокаютъ, но говоръ болѣе новгородскій, а на границѣ съ Валдаемъ буквы *и*, *ы* замѣняются одна другою: ми, мило, полинь (мы, мыло, полынь), мыло, мылость (мило, милость).

Въ *Торжкѣ* бо́льшею частію говорятъ по-московски, на *а*, но также весьма разнообразно картавятъ: идзи въ дзеревню; онъ тсише тсебя ходзитъ; мѣстами: цово́, черковь; хлибъ, сино; мѣстами противный этому говоръ: ня буду, ня хачу, яго́, яму́, ящо́; и опять почти вмѣстѣ съ этимъ рязанскимъ говоромъ: ничо́ва, тобѣ, вцора́шній, целовѣкъ, чилыкъ, челэкъ, черква, церква; вмѣсто: родятъ, ходятъ—родзютъ, ходзютъ; своендра́вный, терплёнье, мо́рдва (морда); путаютъ падежи, твор. и дат. мн. ч., родит., дат. и предл. ед. ч.: на рѣки, на Мсты, отъ своей женѣ. Новоторки (горожанки) говорятъ жеманно, съ проволочкой на шипящихъ и твердыхъ гласныхъ, немного въ носъ: мущщина, ж-женъ-щина.

Въ *Корчевѣ*, не-смотря на близость Москвы, господствуетъ говоръ новгородскій, съ цоканьемъ и дзѣканьемъ: послѣдняго

почти нигдѣ не найдешь въ новгородскомъ говорѣ, кромѣ Тверской губерніи. Буква *л*, послѣ гласной, какъ въ Череповцѣ, измѣняется въ *у*: видзѣу, поймау, соунышко, сѣдéука.

Въ *Старицѣ* говорятъ на *а* и на *о*, по приходамъ; здѣсь замѣтно сосѣдство Смоленска; не ставятъ *и* вмѣсто *ѣ*. Питёхъ вм. пятерыхъ; лошадёвъ; итти въ къ обѣдни; вотъ Гáпила нявѣста, такъ Гáпила! дрянно (очень) ражо, дрянно жалобно! *Старичанъ* дразнятъ: Возьми 40 алтынъ!—Сороци не сороци, а меньше рубля не возьму. — *Зубчанъ* дразнятъ: ты кто, молодечъ? Зубчовскій купечъ; а гдѣ былъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ. — Въ Зубцовѣ слѣды новгородскаго нарѣчія еще болѣе исчезаютъ и смѣшивается рязанское со смоленскимъ. Чѣлкóвый, чапля, цево, цово, чово, шово, ягó, яму́; умывáцць, божáццы; путсёмъ, бачюшка, стрáццикъ, земчу́гъ, твѣты́, стипѣло (вскипѣло); хошя, чижолый, свяшчельникъ, картинковъ, лаптевъ; имена уродуютъ, какъ въ Волочкѣ; говорятъ по-курски: онъ ходить, видить, гуля́ить, и до-того сбились въ произношеніи *а* и *о*, что говорятъ: мы имъ падóримъ, т.-е. *а* вм. *о*, потомъ *о* вмѣсто *а*, и еще съ удареніемъ!

Во *Ржевѣ* находимъ еще болѣе непріятную смѣсь, въ которой господствуетъ бѣлорусское, но, къ удивленію, есть и малорусскія слова. Цокаютъ, дзѣкаютъ, *г* произносятъ придыханіемъ, ставятъ *х* вмѣсто *ф*, и на-оборотъ; *у* вм. *в*, *я* вм. *е*; *ы* вмѣсто *о*, двойное *ш* вм. *щ*; но говорятъ по-великорусски: евто, евтотъ, какой, какимъ (а не якой, якимъ); говóрюць, усё, уцóра, вóцинна (очень), домóвъ и домóу (домой), яшто (еще); похáживу вмѣсто похаживаю; кýри(ы), курáмъ, и даже, по-новгородски, путаютъ падежи. Горожанки приторно распѣваютъ.

Бѣжечанъ дразнятъ: насшей рáци цáсце въ свáти ниту. Здѣсь Русскіе говорятъ еще хуже Карелъ, которыхъ узнать легко потому, что у нихъ баба онъ, мужикъ—она; они также *приносятъ* лошадь, *ломаютъ* веревку, *отрываютъ* или *рвутъ* палку, оглоблю; Бѣжечанки говорятъ невыносимо на-распѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кромѣ послѣдняго, который растягиваютъ: Дôмôвâя (т.-е. хозяйка), удѣлалась ли ты? Сравнивая пріятный напѣвъ говоркомъ Олончанки съ безсмысленнымъ напѣвомъ Бѣжечанки, можно убѣдиться, чтó такое значитъ просодія.

Въ *Кашинѣ* и *Колязинѣ* слышится что-то ярославское, говоръ становится еще ниже, на *о*, но говорятъ: сивиръ, кáминь, цоловáкъ, также ковдá, вного, а то и другое — примѣта сѣвернаго нарѣчія; также цокаютъ, но не вездѣ; рѣдко чвакаютъ; вмѣсто частицъ та, то слышно болѣе отъ, ко, тко, и притомъ не безразлично: къ сущ. м. р. на *ъ* придаютъ *отъ*: человѣкъ-отъ; а

къ средн. р. придаютъ то: лицо-то, яйцо-то; къ ж. р. и вообще ко мн. ч. придаютъ частицу тѣ или те; та вовсе не слышно: церковь-тѣ, баба-те, люди-те. Многоль у цея комнатовъ? Сколько горницей? Мое употребляется вмѣсто мой: это мое цыпленокъ.

Въ *Осташковѣ* и еще болѣе въ *Весьёгонскѣ* нарѣчіе новгородское. Около перваго, однако же, слышно вліяніе Пскова.

Особенныя слова Тверской губерніи:

Старица.

Конюхъ — ковшъ.
Саянъ — сарафанъ.
Гáнить — кричать, ревѣть.

Ржевъ.

Цапéла — сковорода.
Упýдиться — испугаться.
Сýдница — кухня.

Осташковъ.

Жагрá — трутъ.
Вылюдье — диво.
Жишка — поросенокъ.

Весьёгонскъ.

Вислягa — шатунъ.
Дýдора — дрянь.
Зобáть — хлебать.

Губ. *Псковская* далеко не представляетъ той пестроты и смѣшенія нарѣчій, какъ Тверская, но и тамъ Псковъ, Порховъ, Холмъ болѣе принадлежатъ Новгороду, а Опочка и Великіе Луки— Бѣлоруссіи, хотя и не на столько, какъ тверское заволжье (Ржевъ). Вообще псковское нарѣчіе отличается превратнымъ удареніемъ и искаженіемъ словъ. И здѣсь замѣняютъ дат. и предл. ж. р. ед. ч. одинъ другимъ и ставятъ дат. вмѣсто творит. мн. ч., но не замѣтно обратнаго: рыба въ воды, не чеши въ головы, сиди въ комнаты; къ рѣки, къ ноги; уха съ рыбѣ, снять съ головѣ, подлѣ избѣ; у стѣнѣ; торгую сѣменамъ, беру своимъ рукамъ; иногда надъ людемъ вмѣсто людьми; гостевъ, лицовъ, ножевъ; легóше (легче), крѣпóше, тонéше; чернѣйшій, славнѣйщій, бѣлѣйщій; иногда слышно *и* вмѣсто *е*: видрó, ты увязнишь, отъ вербочикъ; одная работа, одное дѣло; оны, самы, за однымъ; тая (вмѣсто та), тýю, тоё, тые (тѣ), тыхъ, тыми; этое, евоный, ихный: я скакáю (скачу), ты хотúшь (хочешь), вы хóчете; здѣсь-то собственно въ третьемъ лицѣ откидывается иногда *тъ*: онъ

поё, боронуе, ходя, сиди, меря, видя, она слыша. *У*, *в* переставляютъ: у него не улѣзешь, въ мене есть. Около Порхова чавкаютъ: овча, чаловать, черква; но цокаютъ только въ западныхъ уѣздахъ: цаска, ницово. Въ прозваніяхъ удареніе переносится на овъ: Егоровъ, Захаровъ; говорятъ: намастырь, ндравъ, гнила (глина), облизьяна, пскопской, скрозь, скусно (вкусно); страженье, слободный, затѣвы (затѣи), кожинный, піялка (піявка); охвота (охота), штохвъ, и проч.

Особыя слова Псковской губерніи.

Журавина — клюква.
Чи́тый — трезвый.
Барканъ — морковь.
Калѣвка — брюква.
Блицы — грибы.
Шупелъ — колдунъ.
Стрекава — крапива.
Водось — пойма.
Гульба — картофель.
Пѣтунъ — пѣтухъ.
Упакать — утрафить, уладить.

Вологодская губ., въ сѣверныхъ уѣздахъ, или на Югской сторонѣ, начиная отъ Великаго Устюга, Лальска по Двинѣ и Вычегдѣ, принадлежитъ болѣе къ Архангельской и говоръ одинъ; въ южныхъ, отъ самой Вологды, онъ переходитъ въ суздальскій, принимая на Унжѣ, Вохмѣ, Сысолѣ — не въ пользу свою — особенности костромскаго и вятскаго. Югскіе крестьяне—Русскіе, по племени, и походятъ на архангельскихъ; въ Вохменской части, къ Костромѣ и Вяткѣ, народъ бѣднѣе, невзрачнѣе, грубѣе и говоръ таковъ же; Подгородная, или Тотемская часть мало чѣмъ отличается отъ второй; и здѣсь вы можете быть увѣрены, напримѣръ, что на вопросъ: откуда ѣдешь? мужикъ непремѣнно самъ спроситъ: откуда ѣду? или напередъ еще: кто? я? и только послѣ раздумья и почески отвѣтитъ: а съ Вохмы, либо — съ Сухоны!

Во всей Вологдѣ говоръ очень низкій, на *о*; *ѣ* часто произносится какъ *и*; вмѣсто *ч* ставятъ *ц* — цай и цяй, подъяцёй, счипцы, считать; иногда *ця* вмѣсто *ча*, *шша* вмѣсто *ща*, *щ* вм. *шт*; но *ч* вм. *ц* слышно гораздо рѣже. Окончаніе *ся* измѣняется въ *цё* и *цы*: кататцё, дѣлатсы, купатсы, при чемъ мягкій знакъ *ь* выкидывается; надіявсё вмѣсто надѣялся; пенёть вмѣсто пенять; дат. пад. мн. ч. идетъ за творительный, но обратнаго не слышно.

Въ Устюгѣ говорятъ ею вмѣсто ее: онъ ею любилъ. Ейця вмѣсто яйца; ты зна'шь, онъ быва'тъ, тя, тѣ, вм. тебя, тебѣ; сколько дёнъ; Миколаха, Любаха, Ондрюха; Полѣниха вмѣсто Полѣнова (прозваніе); прозванія на *ій* оканчиваютъ на *ёй*: Каменскёй, Лисовскёй; скоряя, добряя; и наконецъ що вм. что — примѣта, общая нѣкоторымъ мѣстностямъ новгородскаго и рязанскаго нарѣчій, но чуждая суздальскому. Къ Вяткѣ слышно пошоу, нашоу — *у* вм. *в*. Древность здѣшняго населенія Русскими, особенно Устюга, доказывается тѣмъ, что сохранилось много словъ, неизвѣстныхъ въ другихъ областяхъ.

Особыя слова Вологодской губерніи.

Тожно́ — тогда.
Чапаться — качаться.
Буга́й — сарафанъ.
Вите́нь — кнутъ.
Глядильцо — зеркальце.
Жубрить — жевать.
Дерба̀ — залежь подъ лѣсомъ.
Иско́сина — косынка.
Медуница — пчела.
Палкать — скакать.
Припра̀ва — приданое.
Просужій — разсудительный.
Плавь — огниво.
Бутыскаться — бодаться.
Про́стень — початокъ.
Солощій — жадный.

Въ *Вятской* губ. находимъ говоръ самый грубый, именно, какъ говорится, мужичій; нигдѣ не услышишь такихъ грубыхъ и рѣзкихъ штё, що, толды, колды, завсялды; языкъ ворочается вяло и тяжело, говоръ тягучій, иногда съ пригнуской. Кромѣ изъ-замосковныхъ переселенцевъ, напримѣръ мосоловскихъ, говоръ самый низкій; но вятское *о* произносится мѣстами *уо* или *уы*, почти какъ въ Задеснинскомъ Черниговскомъ Краѣ: ничевуо, спруосъ, собуолья. Этотъ двугласный—кажется, чудскій—звукъ встрѣчается, кромѣ Вятки и Бѣлоруссіи, на взаимныхъ предѣлахъ восточнаго и южнаго нарѣчій, у Мещеры, въ Егорьевскѣ, Касимовѣ, Муромѣ. Буква *ѣ* на Вяткѣ только въ началѣ слова произносится какъ *и*: исть, издить (ьисть, ьиздить, мягкій знакъ *ь* передъ *и* показываетъ двугласное произношеніе гласной *и*), очень рѣдко въ рединѣ, напримѣръ въ слободскомъ: штё нюни-тѣ повисилъ;

иногда на-оборотъ: въ черквѣ, въ селеньѣ. Екимъ, опеть, петь, снеть, вмѣсто пять, снять; цивера́ (чирій) бы тѣ сѣла на езыкъ-отъ, не сталъ бы горло-то пе́лить; *и* вмѣсто *е*: тибѣ, нивѣста; на-оборо́тъ: бай, штё-ле, штё небудь; нигдѣ нѣтъ столько *ё*, *іо*, какъ на Вяткѣ; цёрный, воскресеньё, заговѣньё, при чемъ это конечное *іо* вытягивается такъ, что слово получаетъ два долгіе слога. *Ч* и *ц* замѣняютъ другъ друга, или слышится ни то, ни другое; ворця́ть, карацю́нъ; бѣлъ, какъ изъ мыльчя выдёрнёнъ (какъ изъ мыльца выдернутъ); эка-веть цистю́нка: лацётъ не лацётъ изъ цяшки-то. По́млю, свальба: вмѣсто *щ* двойное *ш*: шшо́ки, отошша́ть; *жо* вм. *же*: набилъ-жо, жола́нный; союзъ *и* вставляютъ безъ толку: и штё и за робёнокъ; ну штё и за парень; глаголъ *дуть* спрягаютъ по-малорусски, какъ жать, жму: онъ дметъ, я дму. Въ Малмыжѣ и частію въ Уржумѣ ставятъ *х* вмѣсто *ф*, но никогда не слышно *хв*: Памхилъ, хилинъ, хлягa.

Говоръ Вятчанъ впервые надоумилъ меня о происхожденіи болгарскаго послѣдовательнаго члена, который производили съ греческаго: частицы отъ, атъ, то, та, тѣ прилагаются на Вяткѣ не безразлично, а по родамъ, какъ и между Колязина и Углича: парень-отъ (или то) гожъ, да дѣвко-атъ (или та) не баска́, а ужъ сватьи-тѣ (этъ) никуда не годны́.

Особыя слова Вятской губерніи.

Дрокомеля — пустобай
Ѣсвя́ный — съѣдомый
Засулиться — обѣщаться.
Пухтаръ — лекарь.
Ты́рта — спорщикъ.
Кры́каться — сердиться.
Шкуре́ть — шутить.
Черепа́нъ — гончаръ.
Извещевать — истратить.
Ходово́й — пѣхотный.
На́че — лучше.
Чемодуръ — самоваръ.
Дочка — свинья.

Пермская губернія, по нарѣчію, западною частію своею вполнѣ принадлежитъ Вяткѣ, сѣверною сближается съ Архангельскомъ (по р. Колвѣ, Вишерѣ), южною — къ смѣси сѣвернаго и восточнаго говоровъ, а вся зауральская область, не только по географіи, но и по этнографіи, принадлежитъ къ Сибири. Здѣсь постепенно новгородскій и суздальскій говоры сливаются, и смѣсь

эта не представляетъ столько особенностей, чтобы ее можно было означить своимъ нарѣчіемъ. О Пермякахъ говорятъ: худъ Пермякъ, да два языка зна'тъ, т.-е. свой и русскій.

Чусовляне, окая также, не столько чуждаются буквы *а*, замѣняя ею даже иногда *е*, *ѣ*, *и*, *у*: съ тахъ поръ, можа-быть, калды-башъ, откаль, докаль, али; на-оборотъ: счёсье, начельникъ, зеть (зять), куды, туды, шлепёнка; исшо, робята, нонѣ, Тотаринъ; сусѣдъ, очунь, очунно; до сяхъ поръ, опосля; изрѣдка *и* вмѣсто *ѣ*: вись (вѣсть), пиісня, міасяцъ; польга вм. польза, груззли вм. грузди; нѣсколько цокаютъ, но не чвакаютъ, а иногда ставятъ *с* вм. *ц*: Сарь, отесъ, сапля. Около *Оханска*, напротивъ, услышите отечъ, брáечъ; также штѐ, щё вмѣсто что; бачка, мачка, шти. Въ *Кунгурѣ*: ишшо, вистъ (вѣсть), хоцю, нецево, оногдась, хресьѐнинъ, братечъ. Въ *Красноуфимскѣ*: царь, овця, оконниця; кольцё; полотенцё; мидь, медвидь, съисть, сіеть (сѣять), стриліть (стрѣлять); *ц* вм. *ч*, двойное *ш* вмѣсто *щ*, иногда *с* вмѣсто *ц*, колѐцько, крешшѐнье, ýлиса; хозеинъ, боеринъ, навѣста (невѣста), стюденый, вострый, Воспóдь; ты кидашша (кидаешься), домогáшша; здѣсь говорятъ: рублевъ, коневъ, свадьбей, судьбей; здѣсь ходютъ, ѣздютъ и даже купютъ (покупаютъ) — примѣта сѣвернаго говора. Иногда слышно: отдай рукамъ, пить чаша, надѣть шуба, рубить капуста — это старина, и притомъ также новгородская. Въ *Соликамскѣ* почти все тоже, но окаютъ погрубѣе; торелка, тороканъ, корованъ — и это походитъ на примѣсь суздальскую; зато, кромѣ окончанія предл. падежа, *ѣ* почти всегда обращается въ *и*.

Въ *Чердыни* живетъ еще старина русская, какъ при царяхъ, и притомъ старина не раскольничья; рѣчь напоминаетъ здѣсь Киршу Данилова и Посошкова. Говоръ нѣсколько протяжный, но не вялый, не дзѣкаютъ, мѣстами цокаютъ, охотно оканчиваютъ глаголы на *и*: ходи́ти, говорити, жеччи (жечь), теччи, леччи; гони́ть, вм. гнать, задежи́ть вмѣсто задѣть, стрѣлить вм. выстрѣлить; шшука (щука), умываешша (ешься), цудо, огнёвъ, книговъ; привѣтъ гостя: здорово въ избу! отвѣтъ хозяина: полѣзай на избу, т.-е. просимъ. Въ *Чердыни*, вѣроятно отъ Пермяковъ, взятъ обычай прибавлять къ глаголамъ некстати *ся*: я шился, мылся (стиралъ бѣлье), садилась въ огородѣ, трепалась ленъ и пр.

Въ *Верхотурьѣ* почти все тоже; замѣчательно только, что *ф* иногда замѣняютъ буквою *х*, а на-оборотъ почти всегда: до сифъ поръ, тѣфъ, этефъ, многифъ, добрыфъ; увѣряютъ — чего я самъ не слышалъ — будто тамъ же ставятъ третье лицо глагола вмѣ-

сто перваго: я сдѣла'тъ вмѣсто сдѣлаю. Есть сибирскія ударенія: говóръ, множéство; сибирское чего вмѣсто чтó, и вопросъ: чьихъ вы? вм. какъ вы прозываетесь? также восударь, восподинъ, восударство; на Гороблагодатскихъ заводахъ выдаютъ хлѣбъ по билетами и возятъ его конямъ; носятъ вода, косятъ травá.

Въ *Осѣ* и *Кунгурѣ* ставятъ *ш* вмѣсто *ч*, *щ*: свѣшя, шши; дѣлать рукамъ, отдать дѣтьми; емя́ вм. имъ; слышно также свича, сиди́ть, но на заводахъ — свѣча, сидѣть.

Въ *Екатеринбургѣ* нарѣчіе тоже, съ примѣсью еще болѣе сибирскаго и при всемъ томъ съ признаками новгородскаго: вмáстѣ, витеръ, звирь, дили́ть; чей (чай), озéбнуть (озябнуть), потерéть (потéрять); гледи́, сястриса, какой молодесъ на улисѣ; лисо твое цевó-то не ладно; на цево это (на чтó)? Твѣты́, бачкя, обвѣтъ (обѣтъ), обвязанъ (обязанъ), богáтество, смыселъ, фали́ть, фáстать, ходить босымъ ногамъ по улисами, продать мукá, богачевъ, людевъ, купляя́ть, звоня́ть (некакъ звоняютъ?), высокя́нной, долгя́нной; охотно вставляютъ ну, то, ко, ся, бы; примѣсь суздальскаго (владимірскаго) оказывается, напримѣръ, въ частичкѣ т'вóноди, твóнодки и пр.

Въ *Шадринскѣ* языкъ чище прочихъ мѣстъ Перми: не услышишь *уо*, ниже *ь*, *я*, *ю*, *у*, *шш*, *ц* — вмѣсто *ѣ*, *е*, *я*, *а*, *щ*, *ч*; раздѣлъ, мѣра, вѣсъ, рѣка, свѣтъ не искажаются, но говорятъ ми́рять, дили́ть, ричь, звирь; кýпить корова, срубить изба; 3 л. вмѣсто 1-го: *я* это сдѣлаетъ, *я* дойдетъ; здоровящей, худящей; *чтò* произносится чисто; не путаютъ *ф*, *х*. Въ Ирбитѣ говоръ вполнѣ сибирскій.

Особыя пермскія слова.

Басловка — побасенка.
Сѣчи́ще — подсѣка, чищоба.
Оследникъ — срубленный и очищенный строевой лѣсъ.
Верхни́ца — сарафанъ.
Вилáвый — лукавый.
Вы́бродки — отóпки.
Сугóрокъ — пригорокъ.
Веньгать — плакать.
Вáтолить — пустобаить.
Зубы́лда — зубоскалъ.
Естенный — зажиточный.
Дыбать — шататься.
Подскоръ — мѣхъ, на шубу.

Олонецкая губернія по говору опять ближе къ Новгородской, какъ въ старину писали и какъ нынѣ Олончане произносятъ. Рѣчь Олончанъ скорая, бойкая, на-распѣвъ и говоркомъ; бабы и дѣвки переносятъ удареніе по этому распѣву, напримѣръ: въ городу́, живетъ, спро́си; по́ди, во́зми, и повышаютъ голосъ въ концѣ рѣчи, которая у нихъ всегда выходитъ будто вопросительная. Мѣстами легонько цокаютъ; но всего замѣчательнѣе произношеніе окончаній аго, его: по всему сѣверо-востоку, какъ и въ письменномъ языкѣ, букву *г* замѣняютъ буквою *в*; здѣсь говорятъ: до́брого, си́нёго, обращая только *а* въ *о*. Тоже встрѣчается, только изрѣдка, въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ: въ Костромской и заволжской части Нижегородской, гдѣ въ весьма немногихъ селеніяхъ можно услышать спа́ського попа, могутно́го, съ произношеніемъ, какъ слова́ эти написаны.

Особыя слова Олонецкой губерніи.

Пи́рзать — плакать.
Ки́рзать — рубить дрова.
Воровый — скорый, бойкій.
Глудкій — скользкій.
Доро́дно — много.
Дельницы — рукавицы.
Имушки — жмурки.
Ки́вца — цѣвка въ челну.
Кату́ля — салазки.
Крестцы — распутье.

Губ. *Архангельская.* Говоръ очень схожъ съ олонецкимъ, кромѣ напѣва и скороговорки; первый отличается отъ олонецкаго особымъ удареніемъ и повышеніемъ голоса, съ удвоеніемъ гласной въ началѣ или концѣ рѣчи: кумашникъ новоой; что говориишь; вообще всюду нарѣчіе новгородское, но, по обширности губерніи и разъединенію жителей ея, въ говорѣ есть маленькая разность: кемскіе и кольскіе моряки, смолокуры вагане, шенкурскіе пахари, пинежскіе и мценскіе звѣроловы, пустозерскіе рыбаки, оленные ижемцы, холмогорскіе скотоводы, онежскіе лѣсники — никогда взаимно не сходятся.

Удареніе встрѣчается сибирское: дико́й, дро́ва, за́става, ро́дится, молоченье, ѣдко́й, не́льзи, пара́, по́толокъ, толсто́й; въ концѣ за гласной иногда слышится *у* съ краткой: батюшкау, Аннау; мѣстами цокаютъ и даже чвакаютъ, но въ производныхъ: купе́чество, кончина, не картавятъ; ешо, мѣша́нка, щеголю́ха; вси, ри́ци (рѣчи), вмистя́хъ, встокъ, двуродный, зам(к)нуть, злѣ',

'мотри, тол(к)нуть; въ прилагательныхъ женскаго рода буква я откидывается; есть и вставки: возабыль, каменя, кореня, пинуть, скатереть, челонокъ, четвереть; плыть по воды, на второй версты, на скамьи, на лавки; послать посылка, проводить сестра, топить баня; веселяе, смѣляе, громчае, корочае; и здѣсь мѣстами слышно великого, доброго, т. е. *го*, а не *ва*; даю, продаю, вмѣсто дамъ, продамъ; давáю, даваетъ, вмѣсто даю, даетъ; они ходя, неся, говоря и проч.

Пѣвучесть говора на западѣ Архангельской губерніи уменьшается; она сильнѣе — по Печорѣ, Мезени, Двинѣ; сильнѣе цокаютъ по Мезени, менѣе—въ Пинегѣ и Холмогорахъ; языкъ чище въ уѣздахъ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ; въ послѣднемъ есть малая примѣсь лопарскихъ словъ, какъ въ Онежскомъ финскихъ; въ южной Мезени и Шенкурскѣ зырянскихъ, на сѣверѣ Мезени самоѣдскихъ; самый нечистый говоръ по Печорѣ. Въ губерніи этой довольно много малороссійскихъ словъ, между прочимъ постоянно говорятъ робить вмѣсто работать, орать вмѣсто пахать, а это послѣднее слово значитъ подметать, мести. Промысловыми и мореходными реченіями Архангельцы богаты; у нихъ есть, между прочимъ, русскія названія всѣмъ компаснымъ румбамъ

Особенныя архангельскія слова.

Выступки — башмаки.
Порно — прочно.
Ботаться — болтаться.
Хрушкій — крупный.
Упадь — падаль.
Вираться — врать.
Граять — хохотать.
Диковать — дурачиться.
Водопоймянъ — поемное мѣсто.
Заломъ — сгромоздившіяся льдины.
Носокъ — гарпунъ.
Катара — передній ластъ моржа.
Ледоплавъ — вскрытіе рѣки.
Рѣкоставъ — замерзаніе рѣки.
Маниха — обманчивая убыль воды.
Стамуха — ледяная гора на мели.
Ноги льда — подводные ледяные кряжи.

3. *Нарѣчіе восточное.*

Къ восточному, или суздальскому, владимірскому, нижнерусскому, или низкому нарѣчію должно отнести губерніи: Владиміръ, съ частію Московской, Ярославъ, Кострому, Нижній, Казань, Симбирскъ, Оренбургъ; въ Костромской и Нижегородской замѣтна примѣсь сѣвернаго; а часть Вятской и Пермской могли бы быть причислены къ восточной полосѣ. На югъ отъ нея господствуетъ рязанское нарѣчіе, на сѣверѣ — новгородское; Сибирь, успѣвъ уже со времени населенія своего образовать свой особенный говоръ, по нарѣчію показываетъ смѣсь новгородскаго и владимірскаго.

Отличительные признаки восточнаго нарѣчія:

1) Говоръ окающій, самый низкій; не только *о* никогда не обращается въ *а*, но даже и письменное *а* слышно тамъ только, гдѣ на него падаетъ удареніе; *о* произносится грубо, протяжно, самою глубиною пасти, еще звучнѣе, чѣмъ въ нарѣчіи сѣверномъ; равно буква *е* чаще произносится *ё*; *о* никогда не обращается въ двугласную *уо* или *уы*.

2) Никогда не произносятъ *и* вмѣсто *ѣ*, ниже *я* вмѣсто *е*, ни на-оборотъ.

3) Въ окончаніяхъ прилагательныхъ *аго*, *яго*, *его* произносятъ *в* вмѣсто *г*, но не по-московски, а съ оканьемъ; мы говоримъ: харошева, лёшнева, своевò; Владимірцы говорятъ: хорòшово, лёшнёво, своёвò; буквы *г*, которая въ окончаніи этомъ слышна мѣстами въ сѣверномъ говорѣ, никогда въ восточномъ не произносятъ.

4) Буква *г* произносится твердо, никогда не измѣняясь въ придыханіе.

5) Третье лицо глаголовъ оканчиваютъ твердо, какъ въ сѣверномъ: онъ ходитъ, глядитъ, а не мягко, какъ въ рязанскомъ: онъ хòдить, онъ глядить.

6) Дзѣканье, свойственное сплошь западному говору и перешедшее мѣстами въ сѣверное, нигдѣ не встрѣчается въ томъ же видѣ въ нарѣчіи восточномъ: въ двухъ только губерніяхъ, Владимірской и Нижегородской, на весьма ограниченной мѣстности, къ цоканью и чавканью присоединяется родъ дзѣканья, но не общаго, т.-е. въ немногихъ только случаяхъ или словахъ; а вообще буквы *т*, *д* произносятъ чисто.

7) Никогда не откидываютъ въ 3 л. глагола окончаніе *тъ*, какъ сплошь дѣлается въ рязанскомъ нарѣчіи и мѣстами въ новгородскомъ.

8) Обычно не замѣняютъ одинъ другимъ творительные и дательные падежи множественнаго числа, ни родительный и предложный средняго рода единственнаго числа, ни, наконецъ, именительный женскаго рода единственнаго числа не употребляютъ вмѣсто винительнаго. Все это встрѣчается только какъ изъятіе, на общихъ предѣлахъ сѣверныхъ и восточныхъ нарѣчій и какъ примѣсь перваго.

9) Частица *что* всюду на востокѣ произносится одинаково: *што;* никогда и нигдѣ не слышно, какъ на сѣверѣ: *штё*, *щё* или *що*.

10) Никогда не замѣняютъ буквъ *ф*, *ѳ* буквами *х*, *хв*, ниже наоборотъ, какъ въ рязанскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчіи.

11) Никогда буквы *у*, *в* не замѣняются одна другою, какъ въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчіяхъ.

Старинные слова и обороты попадаются гораздо рѣже, чѣмъ въ сѣверномъ нарѣчіи; показаннаго въ новгородскомъ нарѣчіи сходства съ малорусскимъ нѣтъ, кромѣ развѣ одного только общаго ǒканья.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ ни одного всеобщаго, отличительнаго признака между новгородскимъ и владимірскимъ нарѣчіями, а притомъ, что всѣ частные признаки—отрицательные. Напротивъ, различіе владимірскаго нарѣчія отъ смоленскаго, рязанскаго, московскаго легко можетъ быть выражено въ признакахъ положительныхъ.

Въ восточномъ нарѣчіи гораздо менѣе разнообразія и отличія по полосамъ или губерніямъ; въ немъ болѣе татарскихъ словъ, чѣмъ въ сѣверномъ, напримѣръ: чокчуры — башмаки; курганъ — рукомойникъ; кутёнокъ — щенокъ; чекмарь — пестъ, колотушка; шаберъ — сосѣдъ; кульма — мотня невода, и проч.; есть довольно слǒвъ отъ русскихъ корней, собственно восточному нарѣчію принадлежащихъ; есть такія, которымъ дано здѣсь особое значеніе: поводǒкъ — пуповина, хǒлиться — мыться; круговǒй — безумный, и проч. Въ Нижегородской много полу-обрусѣлой Мордвы, съ косноязычнымъ произношеніемъ; въ Симбирской слышно нѣсколько чувашскихъ словъ; въ Казани и Оренбургѣ въ обиходѣ татарскія или монгольскія: малахай — шапка; яргакъ — коневій чапанъ; ябага — шерсть; саба и турсукъ — бурдюкъ; балта — то-

воръ; на Линіи образовалась особенная смѣсь языковъ: продажа на срокъ называется кутермой; русская баба — марджа (Марья); сливки — каймачокъ; шабрёнокъ, айдате, камчи, маръ, маликъ, баранчукъ, баганъ, куянъ и проч. слышны безпрестанно.

Во *Владимірѣ* говорятъ: што ужь за чел'экъ, нѐча баить; брачско сѐрчё. Любятъ творительный падежъ: стоймя и стойкомъ, лёжма, должьёмъ; также прилагательныя усѣченныя, а превосходная степень на *ъющій:* славнѣющій; неопредѣленное наклоненіе любятъ оканчивать на чи: печи, стеречи: дѣлашь, дѣлатъ, дѣламши; надо́зривать вмѣсто надзирать; ко́чень вмѣсто качанъ; спо́лошь вмѣсто сплошь; па́сево вмѣсто пастьба, бо́товь вмѣсто ботва, ко́занки, жомо́чки, сёло, іово̀, до́брово и проч. Въ казенныхъ селеніяхъ го́воръ ниже, окаютъ еще болѣе. Въ *Переяславскомъ* уѣздѣ произносятъ *м* вмѣстѣ *в* и на-оборотъ: мнукъ, вного, повно; *в* вмѣсто *г*: ковда, товда; *с* вмѣсто *ш* и на-оборотъ: яс(ч)ной пирогъ, яшно на небѣ; молосное; *с* вмѣсто *ч, ц:* пости́ такъ, свѣти́ и твѣты; *ц* и *цч* вмѣсто *ч* (особенно въ Залѣсьѣ): целэкъ, цчелэкъ, цчерква, цчово, цово; говорятъ также: не то̀че (не только), ничо̀ (ничего), ка́тца (кажется), хо̀т'ца, подь (поди), разѣ (развѣ), тамоди, тутоди, Ванькя, Ваньтя, Лисафья (Лизавета), ложковъ, болѣзнёвъ; возмитё, говоритё; въ дѣепричастіи прошедшемъ удареніе переносится съ корня на конецъ: бравши́, брамши́, взявши́сь, напила́сь, напивши́сь. Вообще по Замытью и За̀балонью говорятъ хуже, цокаютъ и чвакаютъ, что̀, однако же, нынѣ выводится и слышно болѣе у стариковъ. Говорятъ, что здѣсь изрѣдка можно услышать сѣверное: не соси́ть голова̀, купить коро̀ва.

Въ *Суздалѣ* почти все тоже: экой цолоэцыкъ, только пришелъ, да опять на у́лку (улицу); стрёкать вмѣсто доить, хрупакоцки — орѣхи, чесмышокъ — гребенка, и проч.

Въ *Ковровскомъ* и, вѣроятно, другихъ уѣздахъ можно слышать другаго рода странность въ обмѣнѣ падежей: пойду съ её, вмѣсто съ нею; ушелъ къ батюшку (вмѣсто ѣ), у батюшка(и). Здѣсь изрѣдка есть наклонность произносить *ѣ* почти какъ *и*, но только въ нѣкоторыхъ глаголахъ: я засмотри́лся. И здѣсь слышимъ: они любютъ, гонютъ; онъ скажитъ, чешитъ; онъ кла́нется, дай мекинки; ребята, чижоло̀, въ други́мъ мѣсти; чосать, соди́ть; голо́ушка, ді́ушка; нютоли́мо (не у), на ев'у сторону; своѣ, твоѣ ру́ки; сея, тея, сеѣ, тѣ, или ти (тебя); въ первымъ, во вторымъ, куды, глыбоко, всеё (всю), пущай, испужа́лся, твѣтокъ; но здѣсь не картавятъ.

Объ офенскомъ языкѣ, котораго родина Ковровъ, какъ объ искусственномъ, будетъ говориться ниже.

Шуяне также не картавятъ, но въ *Гороховцѣ* можно услышать: ноцерь, ницого, вцорась; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ также чвакаютъ: черковь, молодечь; *щ* произносятъ чисто: сватищо твой, ищо; здѣсь иногда услышите новгородское итти за грибамъ, за ягодамъ, но, обратно, творительнаго вмѣсто дательнаго, кажется, нѣтъ. Въ *Судогдѣ* много старинныхъ и особенныхъ словъ — хотя она населилась поздно — напримѣръ: листопадъ — октябрь, густарь— августъ; не точію, толико, пажить, ярый, вопить, мышлявый (хитрый), огуряться, пудкій (робкій) и проч. Затѣмъ, цокаютъ, чвакаютъ и даже мѣстами дзѣкаютъ, а вмѣсто *щ* произносятъ двойное *ш*.

Въ *Муромѣ* бабы привѣтствуютъ другъ друга званіемъ дѣвицъ, приглашаютъ сосѣдку со всѣмъ дочерямъ; вообще въ Муромскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегу Оки говорятъ чище, не цокаютъ и не чвакаютъ (Корочарово, Памфилово); а по заочью, т.-е. на правомъ берегу, цокаютъ и чвакаютъ, и этотъ говоръ переходитъ въ Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи; къ *Вязникамъ* тшакаютъ и дзѣкаютъ: тшарь (царь), тшерковь, натшальникъ, дзеньги; въ *Муромѣ* сильно окаютъ: бёда, пёсокъ, ёда (ѣда); говорятъ: на лошадѣ, на печѣ; а въ концѣ произносятъ какъ *к*, а по заочью напротивъ—почти какъ *х*, напримѣръ: вмѣсто лугъ — лукъ и лухъ.

Меленковскій уѣздъ еще болѣе замѣчателенъ, какъ переходный: въ примуромской половинѣ его говоръ муромскій, но въ южной, къ Елатьмѣ и Касимову, нарѣчіе рязанское, акающее, но со странною примѣсью: вмѣсто *е*, *ѣ* часто произносятъ *а*, *и*, *я*; также *ы* вмѣсто *и*, да притомъ на *о* съ удареніемъ крѣпко налегаютъ, отрывая звукъ этотъ, какъ за буквою *в*: Ягъ-оръ (Егоръ), у няв-о, пайхалъ, пырагы, пыла (пила), тъ-ожа (тоже), симья (семья), хлибъ, зимнива (зимняго), оны (они), ня будятъ (не будетъ); притомъ немного цокаютъ: цирвякъ, глядиць, горькя; говорятъ: Хвилипъ и хватиру, шта вмѣсто что; полоса эта вообще представляетъ весьма замѣчательную смѣсь двухъ противоположныхъ нарѣчій.

Ярославская губ. по выговору походитъ на Владимірскую, но Бѣлотѣльцы, какъ зовутъ Ярославцевъ, которые пудъ мыла извели, а съ сестры родимаго пятна не смыли, говорятъ чище и, кромѣ *Мологи* и *Пошехонья*, почти нигдѣ не картавятъ. Любимое ихъ выраженіе: *родимый*, часто изобличаетъ ихъ на чужбинѣ, особенно Ростовцевъ, прозванныхъ *родимыми*. Ихъ дразнятъ присловьемъ, у насъ-ти въ Ростовѣ чесноку-ти, луку-ти, а навозъ все конёвій! Тамоди, туто-ди, опричи (кромѣ), коё (гдѣ), отсель, откель:

глянь-ко — все это любимыя выраженія Ярославцевъ. *Угличанинъ* говоритъ: голомя, ономнясь, дюжо, надобе, гожо, ладякъ (ладно); отзонь (отойди), пробуюрилъ (промоталъ), галда (сласти), околтачелъ (далъ маху), и вмѣсто молнія сверкаетъ: молонья машотъ. *Романовецъ*: подит-ко, поглядит-ко, сусѣдъ, могитё, Корнилиха вмѣсто Корнилова; притомъ первыя слова рѣчи скороговоркой, послѣднія протяжно, иное на-распѣвъ; эй, малой, глянь-ко, вить-отъ наши! Коё? Вонъ-инъ за логомъ митусятца! — И то кыбыть наши!

Въ *Мологскомъ* уѣздѣ особенно замѣчательны сицкари, по рѣкѣ Сити; эти природные судовые плотники цокаютъ и въ глаголахъ, какъ малоруссы, не любятъ безгласнаго окончанія: цасъ, цово, цчово иногда даже черковь, овчи; ицёша — идешь, ицёто — идетъ, ицёмо — идемъ, идуто — идутъ; цово ты баёшь? завтра пойцёто онъ въ Рыбну; покашиваемо сѣно; ты сдѣлаешо? не будзёто толку, подряды-тѣ не даюто.

Пошехонье принадлежитъ по нарѣчію къ Череповцу, къ Новгороду: іонъ приниматцы за дильцо-то дородно; іонъ займуетцы диломъ; а ты що занелся не путемъ вного. Вотъ какъ цясы-то цёкаютъ! этеѳъ, тѣѳъ, въ окошкаѳъ, ѳарталъ, ѳатера, даже ѳто (кто), брюхва, хвасъ — и за то кукшинъ; брусница, поляница, ежевица, земленица; Тимоѳій, Елисій, Игнатей, Панкратей; жалуйте къ нами, къ нашими дворами, мы торгуемъ пряникамъ. Опеть, стоеть, валёться; свитя, свитліе, полно смотрить на бездилицы-тѣ. Въ Пошехоньѣ услышите: иди съ пецы въ домъ, т.-е. слѣзь съ печи; крутиться — убирать голову, о бабѣ: это выраженіе — олонецкое; шевелить сметану, масло пахтать.

Костромская губ. еще болѣе приближается къ нарѣчію новгородскому; съ намъ, съ вамъ, къ нами и къ вами; сѣкчи, толокчи, пекчи; данныемъ, званыемъ, прежніимъ; экъ ёнъ лома'тся, хвата'тъ; затѣмъ, во многихъ мѣстахъ пьютъ цай и даже цвай съ калацомъ; охотно берутъ прилагательное усѣченное (глупа голова); переносятъ удареніе: вы хотитё, глядитё; говорятъ *утъ* вмѣсто *отъ*, удѣяло, утопокъ, и любятъ частицу *чу*. Цокаютъ болѣе отъ Костромы на юго-востокъ, на Кинешму, Юрьевецъ, къ Варнавину.

Въ *Нерехтѣ* услышите: грыбы, половатъ, шти, свитатъ, сноблю (снабжу), ёлоха (ольха), чигунъ, ненавиство, платъ (платокъ), тысяща, одёва (одежда), понаѳида, чигане, церква, скушно (вкусно). Въ *Кинешмѣ:* іонъ кусаётъ, грянётъ, мякнётъ; ще вмѣсто что, и даже мѣстами цокаютъ. Но какъ около Нерехты, такъ и въ *Галичѣ* мѣстами говорятъ вовсе иначе, свысока, по-московски,

но съ напѣвомъ или говоркомъ сѣвернымъ. Это должны быть либо переселенцы, либо галки-плотники приняли нарѣчіе это отъ долгаго проживанія на чужбинѣ. Тоже скажу о *Кологривцахъ:* рядомъ въ двухъ селеніяхъ говорятъ различно, и притомъ въ одномъ болѣе акаютъ, что̀ чрезвычайно поражаетъ въ этихъ мѣстахъ проѣзжаго. Гдѣ окаютъ, тамъ въ глаголахъ *ѣ* замѣняютъ звукомъ *и*, а притомъ у Кологрива всего замѣтнѣе произношеніе *г* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ, съ мягкимъ *с* или *д*: боровсько̀го, лонсько̀го, людсько̀го, мижегородського.

Въ *Нижегородской* губерніи иные отличаютъ три го̀вора: заволжскій, или костромской, очень близкій къ сѣверному; запьянскій — на югъ отъ рѣки Пьяны, гдѣ цокаютъ и чвакаютъ; яго̀тскій, лукояновскій, гдѣ жителей зовутъ ягунами — отъ яго̀, яму — будаками (будова̀ть?), также панами; это—по сосѣдству и по говору, Пензенцы, можетъ-быть, даже выходцы изъ Воронежа и Тамбова. Но я сознаюсь, что, находя это раздѣленіе недостаточнымъ и не совсѣмъ вѣрнымъ — недостаетъ говора ветлужскаго, не отличено цоканье ардатовское отъ арзамасскаго и другихъ, нѣтъ вовсе собственно владимірскаго—не могу, однако же, предложить лучшаго, а долженъ также ограничиться, до времени, обзоромъ по уѣздамъ.

Заволжье, т. е. часть Балахнинскаго, Семеновскій, часть Макарьевскаго и Васильскаго, принадлежитъ еще на половину къ нарѣчію новгородскому: што сынъ-отъ? и не бай, такой надужно̀й: што не станёшь говорить, такъ и всхизнётъ; пойломъ одолитъ (одолѣваетъ), а изъ ёды ничово̀ не поба̀житъ. Слышно мѣстами: вно̀го, вкусъ, жготся, ковда, мнукъ, свѣтокъ и твѣтокъ, по̀льга, мтица, чо̀жоло̀, пахнутово (*х* вмѣсто *ф*), жалуйте къ нами; да петь, ну-петь, восподинъ. Въ Макарьевскомъ цокаютъ особеннымъ образомъ: *ця, ци* вмѣсто *ца, ча, чи:* царйця, цяшка, свѣця; цинъ, цисто; ноць, процъ, овецька, птицка, цесно̀къ; твердое ц измѣняется въ мягкое: отець, братець; циганъ, цапля; тутъ услышите также отцей, огурцей(овъ). По Ветлугѣ лѣсники говорятъ особымъ напѣвомъ, протягивая и разставляя иные слоги, съ повышеніемъ голоса: зада-ай корму лошадьми-и; сверхъ того вмѣсто *жс* въ прилагательныхъ, произносятъ *сь, ць*: завольской, ветлуцькой; тутъ есть сходство съ говоромъ вятскимъ.

Въ *Горбатовскомъ* и *Нижегородскомъ* уѣздахъ, а также по симбирскому и казанскому пути въ *Васильскомъ* и *Княгининскомъ*, говоръ довольно чистый владимірскій: чово̀, Ондрей, ёво̀, ёму, Стёпанъ; кесь, тея, ра̀зѣ; мѣстами слышно инѐи, другёи, сухёи;

шти, а батюшка произносится какъ батшука. Есть рязанскіе (касимовскіе) переселенцы, которые акаютъ и цокаютъ.

Южная часть губерніи замѣчательна по переходу владимірскаго нарѣчія въ рязанское. Въ Ардатовскомъ, частію Арзамасскаго, Лукояновскаго, Сергацкаго, даже Княгининскаго уѣздовъ цокаютъ и чвакаютъ, но различнымъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ; всѣхъ тонкостей этихъ я не могъ еще разобрать, но три или даже четыре говора, перемѣшанные иногда черезполосно, ясно отличаются: на *а*, на *о*, на *и*, на *е*.

На *о*: ну, нёщто, не даромъ сватъ Офоня бáлъ, што добру слышь не быць: вишъ вёцоръ недоровымъ матомъ крыцалъ лѣшій; прїѣзж'амъ; зна'шъ въ дзеревню, анъ Панфилъ и б'атъ, робята, скорѣ на плоцину, ее б'атъ прорвало! А знâшъ съцово? гдѣ це знаць! Воспóдь спорыньи не даетъ.

Это — владимірское нарѣчіе, съ легкимъ цоканьемъ.

На *а*: Вцарà шабёръ бакýлялъ, Ягóрій ба'тъ на дварѣ, парà, приниматчà за сахý; а Ягорій, старики баютъ, лянúва сахà.... нѣтъ, парь, ранней пашни не обрадуешься, йшь какъ подылив'атъ (на снѣгъ) на дварѣ-та....

Это—рязанское, близкое къ касимовскому; кромѣ цоканья, изрѣдка слышно и чваканье.

На *и*: ну, парнюга, бида, вусетта Калина баилъ съ Зарѣшнымъ, што таво и глиди пажаръ; сабаки ваймà вьютъ нацыó, инда страшна слышаць. И впрямь братúсца у насъ сабацонка завуваицъ, да и ну падъ передзнимъ угломъ рúчча (рыться).

Это что-то особенное, и кромѣ цоканья и чваканья (хотя не общаго) есть и дзѣканье. Мѣстами слышишь: цыловѣкъ, дзеньги, черква, слýхамъ (слушаемъ), устâвили вмѣсто оставили, ухóта, углóбли. Весь край этотъ коренной мордовскій, но онъ обрусѣлъ и заселенъ со временъ Грознаго, то ссыльными, то переселенцами, для основанія бывшихъ поташныхъ майдановъ. Цоканье и чваканье проходятъ отсюда въ Тамбовскую губернію за Шацкъ.

Въ Сергацкомъ вообще цокаютъ на *а* и на *и*, мѣстами чвакаютъ и дзѣкаютъ и, чтò всего замѣчательнѣе, по примѣру тамбовскаго и еще болѣе воронежскаго говора, обращаютъ средній родъ въ женскій: ета пóля; вúрасла дрèва атъ зимлú до нéба, на этимъ (тутъ средн.!) древи двинадцать суцковъ, на каждымъ суцкѣ, и проч., óтчунь, маланья́, дзúтситка, èдыкай, слитâлись сыкалú (соколы), и проч.

Въ *Лукояновскомъ* говоръ на *е*: чесовня, причещеніе, счесливый, въ редахъ, видѣлъ церя и церицу; на-оборотъ: чалавѣкъ,

чаво̀, жалаешь, жава̀ть и проч. Тутъ же: агнёвъ, глазо̀въ, галковъ, и проч.

Въ говорѣ *Симбирской* губ., вообще на *о*, нѣтъ ничего особеннаго; слышно *е* намѣсто *а*, *я*, *и*: реды, чеси; онъ имѣ'тъ, съ того время, те'ѣ, те'я; мѣстами, у Ардатова Симбирскаго, цокаютъ; вообще же не картавятъ.

Почти тоже должно сказать о *Казанской*: особыхъ отличій нѣтъ. Мѣстами слышно: до̀брыва, хоро̀шыва, на̀былышій; кида'тъ, мѣша'тъ, 'мотри; въ Свіяжскѣ говорятъ: зелѣзо, стюдено̀, прикраснѣющій, привеличающій; въ Чебоксарахъ: что̀ это доспѣлось? Дѣпить доспѣть эдыкъ-та? Есть нѣсколько особенныхъ словъ.

Въ *Самарской* губ. говоръ саратовскій (на *а*), симбирскій и уфимскій (на о), по уѣздамъ и смежности губерній. Въ самомъ городѣ женщины жеманясь картавятъ: *щ*, *ж* вмѣсто *с*, *з*; онѣ поютъ въ хороводахъ: «Рожанъ мой, рожанъ, виноградъ желёный!» Впрочемъ, губернія эта пестра переселенцами.

Оренбургская губернія, заселенная искони инородцами, бо̀льшею частію кочевыми, наполнилась Русскими двадцати губерній въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ; поэтому общаго нарѣчія въ губерніи этой нѣтъ; но у старожиловъ образовались уже нѣкоторыя особенности. Около Уфы слышно много твердыхъ гласныхъ; говоръ отрывистъ; *ы* вмѣсто *а*: туды, сюды, отту̀ды; на-оборотъ: до̀брай, сѣрай; *я* вмѣсто *е*, *ѣ*: мяшокъ, бяда, твятокъ, мядку̀ (медку), брявно; на-оборотъ: светой, време; *и* вмѣсто *е*: пиро, сило, тисать; *г*, *д* произносятся твердо, почти какъ *к*, *т*; нерѣдко слышится *ш* вмѣсто *ч* или *ж*; иногда слышно: пропали съ головамъ, и даже (какъ увѣряютъ) рѣзать говядинкамъ, вмѣсто ку. Гвоздёвъ, пнёвъ, окновъ; желтыимъ, хорошіимъ; богатѣющій (ѣйшій), а сравнительная — усѣченно: умнѣ, теплѣ; ты обѣда'шь, онъ зна'тъ; текёшь, текётъ, мы лягимъ, могѝмъ, могитё, онъ смотрѝлъ, вѝдилъ, смотряй, видай; сядись, ляжись; датчи, взятчи, имѣтчи.

Въ сосѣдствѣ съ инородцами крестьяне приняли нѣсколько татарскихъ (башкирскихъ, киргизскихъ) выраженій и оборотовъ, особенно по Линіи; Верхнеуральскъ, Троицкъ, а еще болѣе Челяба, по нарѣчію, болѣе принадлежатъ Сибири; есть поселенные Малороссы, даже Поляки (Мензелинскъ), утратившіе, впрочемъ, языкъ свой.

Хотя языкъ *уральскихъ казаковъ* и нельзя назвать особымъ нарѣчіемъ, но у нихъ много особенныхъ выраженій и оборотовъ, и говоръ такъ отличителенъ, что Уральца всюду узнать можно съ первыхъ словъ. Они говорятъ рѣзко и рѣзво (въ нашемъ значеніи,

у нихъ рѣзвый значитъ очередной), не повышая и не понижая голоса, притыкая концомъ языка къ зубамъ, при каждой согласной, и скрадывая гласныя подъ одинъ общій, средній звукъ. Это — говоръ, о коемъ почти нельзя опредѣлить, къ которому изъ двухъ главныхъ нарѣчій —на *о* и *а*,—онъ принадлежитъ; происхожденіе его отъ безъименной вольницы, которая на Каспійскомъ взморьѣ дуванъ дуванила; къ ней приселена была стрѣлецкая дружина да въ-послѣдствіи Донцы. Тамъ спрашиваютъ по-сибирски: чьихъ вы? вмѣсто какъ вы прозываетесь; скотный дворъ называютъ по-донскому базомъ, базками; во всѣхъ безъ изъятія прозваніяхъ кладутъ удареніе на окончаніе овъ, но не картавятъ никакимъ родомъ, а всѣ буквы произносятъ рѣзко и отчетисто; однѣ только казачки, и притомъ низшаго сословія, не всѣ, слегка цокаютъ и шепеляютъ. Таковъ обычай.

4. Нарѣчіе сибирское.

При покореніи Сибири, когда не было тамъ ни одного Русскаго, переселены туда, около 1585 года, стрѣльцы, казаки и крестьяне изъ Перми, Вятки, Каргополя и Подмосковья; затѣмъ, до 1604 года основаны города и населены казаками литовскими и малорусскими; въ 1635 году берега Енисея были уже заселены Вологодцами, Нижегородцами, Каргопольцами, Устюжанами, Холмогорцами, Архангельцами; помѣщичьи крестьяне ссылались отвсюду, съ зачетомъ за рекрутъ; сослано также много стрѣльцовъ и донскихъ казаковъ за возмущенія; съ 1753 года, по уничтоженіи смертной казни, пошло въ Сибирь ежегодно до десяти тысячь человѣкъ, въ томъ числѣ до осьми тысячь на поселеніе. Нынѣ вся разнородность эта сплавилась, по нарѣчію, въ одно, у Сибиряковъ урожденныхъ свой особый говоръ, отъ котораго отличаются говоромъ всѣ прибылые, Русскіе, какъ называютъ ихъ, для отличія, сами коренные жители.

Сибирское нарѣчіе составилось изъ смѣси новгородскаго съ владимірскимъ, а потому окаетъ, — но на всемъ пространствѣ приняло нѣсколько особенностей. Только въ Томской губерніи есть нѣсколько селеній, сохранившихъ отчасти высокій говоръ первой родины своей. Окающее и даже собственно новгородское нарѣчіе сохранило тамъ повсемѣстное господство, какъ основательно замѣтилъ г. Словцовъ, отъ долговременнаго и постояннаго вліянія сѣвера (наиболѣе Устюга): первые купцы, земледѣльцы, посадскіе, ямщики, казаки, даже духовенство, — все это приливало въ Сибирь съ сѣвера.

Къ примѣтамъ сибирскаго нарѣчія относятъ:

1) Оканье; слышно даже корета, робота, торелка, покостникъ.

2) Усѣкаютъ глаголы на аю, яю, ѣю во 2 и 3 л. един. чис. и въ 1 и 2 множественнаго настоящаго времени. Онъ не зна'тъ, ты потѣ'шь, мы гуля'мъ.

3) Глаголы дѣйствительные ставятъ иногда съ именительнымъ падежемъ: принести вода, топить баня.

4) Вмѣсто предлога *за* часто ставятъ *по:* по воду, по грибы; сбѣгай по его.

5) Творительный падежъ множественнаго числа нерѣдко оканчиваютъ не на *ми*, а на *мъ*, какъ у насъ дательный; но обратнаго не слышно.

6) Охотно придаютъ частицу ка: мнѣ-ка, тебѣ-ка, тутотка.

7) Вмѣсто вопросительнаго что̀ говорятъ чего. Я чего-то не пойму этого, чего дѣлаешь? Можно принять, что въ Сибири мѣстоименіе что̀, относясь къ неодушевленному, склоняется какъ кто, кого, и что поэтому винительный падежъ будетъ не что, какъ у насъ, а чего.

8) Оканчиваютъ превосходную степень иначе: прематорѣющій, прекраснѣющій, человѣкъ добрѣющій; а сравнительную: ближѣе, лучшае, легчае, тишае, тончае, бѣдня̀, синя̀.

9) Прилагательное женскаго и средняго родовъ часто употребляется усѣченное: купилъ негодну лошадь, кака̀ быстра рѣка, пѐрво дѣло, ланско̀ сѣно.

10) Умалительныя въ большомъ употребленіи, выражая то уменьшеніе, то ласку, то смиреніе, то презрѣніе и проч.

11) Утвердительный отвѣтъ ну, вмѣсто да: знаешь урокъ? ну; отрицательный — удвоенное нѣтъ: пойдешь, что ли? Нѣтъ, нѣтъ; отвѣтъ сомнительный: дома ль хозяинъ? однако, нѣтъ, т.-е. кажись нѣтъ.

12) Вмѣсто окончаній: маловато, тѣсновато, ставятъ передъ нарѣчіемъ *во:* во̀мало, во̀тѣсно.

13) Часто удареніе переносится противъ нашего обычая: о̀тставка, по̀ставка, по̀правка, за̀куска, знакомство̀, спѝна, сѣра̀, дочка̀, дѣво̀чка и проч.

14) Вмѣсто вопроса: какъ вы прозываетесь? всегда слышите: чьихъ вы, т.-е. чьей семьи? Слѣдствіемъ этого столь обыкновенныя въ Сибири прозванія: Черны̀хъ, Толсты̀хъ, Сизы̀хъ, Удалы̀хъ, Ильины̀хъ, Кудреватыхъ и проч.

Кромѣ этихъ примѣтъ, мѣстами слышно: гумага, гребелка, нагинать, ка̀жной, садовшикъ, даже скольшикъ; и Восподь, восударь,

воспо̀динъ; ковда, товда, колды, толды, вселды; двадцеть, завтре, лошедь, чесы; нидѣля, нивѣста; робёнокъ, робята, сѐрдцо, какъ-жо; Митрей, лѣтнёй, зимнёй; спотъ, спитать, спипать; или ипшо, свепшенникъ; го̀ресь, горсь, тросъ, шерсь (съ пропускомъ т); ершовъ, рублёвъ, мужьевъ; существительныя на *іе* склоняютъ: объ имѣніѣ, ваши имѣніи, доходъ съ имѣніевъ; существительныя средняго рода на *мя* произносятся *мё* и склоняются: времё, родит. время (вмѣсто времени), дательный времю, творительный врѐмёмъ, предложный о времѣ; двора̀на, крестьяна, мѣща̀на; тоё вмѣсто ту; ихной, ихна, ихно, вмѣсто ихъ; обѣхъ, обѣмъ (безъ и); одѝножъ или однова̀, двою̀, трою̀; мы пекемъ, рѣка текетъ.

Въ сибирскомъ нарѣчіи много словъ обветшалыхъ, утраченныхъ, какъ: зародъ — скирда; плѣница — силокъ, огневица — горячка, тунно — тщетно, служилый — солдатъ, зарный — горячій, и проч. Немало принято также отъ инородцевъ: Татаръ, Остяковъ, Тунгусовъ, Бурятъ, Якутовъ и проч. Такихъ словъ особенно много по роду мѣстной жизни, промысламъ, предметамъ естественнымъ той мѣстности и проч.; и наконецъ есть превосходно образованныя свои слова̀, хотя далеко не все то, что̀ помѣщалось иногда въ росписяхъ сибирскихъ словъ, принадлежитъ исключительно Сибири: солновсходъ, рѣкоста̀въ, водопускъ, ледоплавъ, спара̀ть (убить пару на зарядъ), тянигу̀жъ (доро̀га въ гору), маньщикъ (чучело для приманки), споло̀хи, нѐпропускъ (подводный камень), отпрядышъ и проч.

Пересматривая всѣ признаки сибирскаго нарѣчія, мы убѣждаемся, что едва ли есть такіе, которые бы принадлежали ему исключительно и не встрѣчались также болѣе или менѣе въ другихъ; новгородское вообще въ Россіи первенствуетъ, по объему, а въ Сибири особенно господствуетъ; московское держится всюду, болѣе или менѣе, между образованнымъ сословіемъ; затѣмъ Сибиряка болѣе отличаютъ по го̀вору, по ударенію, да по значительному числу своихъ словъ. Чего вмѣсто что̀, ну вмѣсто да; образованіе особаго вида нарѣчій прибавкою частицы *во*; вопросъ чьихъ вы — вотъ тѣ незначительные признаки, которые остаются исключительно на долю Сибири. Кромѣ того мы находимъ еще нѣсколько отрицательныхъ признаковъ: за исключеніемъ Ирбити и немногихъ селеній тобольскихъ, *ѣ* не измѣняютъ на *и*, какъ въ новгородскомъ нарѣчіи, гдѣ, впрочемъ, обычай этотъ, какъ мы видѣли, не общій; творит. падежъ весьма рѣдко слышится вмѣсто дательнаго — также не общій обычай въ новгородскомъ нарѣчіи; въ народномъ говорѣ въ Сибири почти нигдѣ нѣтъ картавости или

косноязычія какого-либо вида, но и это не есть общее свойство прочихъ нарѣчій; болѣе примѣтъ не знаю.

Около Ирбити слышно иногда: ходивъ, сидѣвъ, сдѣлавъ, вмѣсто ходилъ, сдѣлалъ; этого замѣчательнаго измѣненія *л* на *в* нигдѣ болѣе въ Великоруси не слышно. Около Тобольска: прихождане, неурождай; росвó, слѣсво, беззакóнство (родство, слѣдствіе, беззаконіе); въ Туринскѣ говорятъ: прѐлица, прѐникъ, мáманока, напремѣнно, отъ батюшка; пля́кся, сялъ (сѣлъ); жалѣютъ произносятъ какъ желяютъ; сѣ́ду, мѣні́ть (сяду, мѣнять); исть, свúча, шалѣть; доржать, топорищомъ; чюдо, чюма, чюжой; погоня́ть вм. гнать, звоня́ть вм. звонить; я пошелъ, поѣхалъ вмѣсто иду, ѣду. Въ Петропавловскѣ: сіять, віять, солýй (цалуй); соломинка произносится почти какъ силиминка.

Въ Сибири, особенно Восточной, въ говорѣ замѣтна наклонность къ упрощенію грамматики и подведенію тысячи изъятій подъ общее правило; этимъ объясняются видимыя неправильности, какъ показанныя выше, такъ и слѣдующія: три па́рни, два кони, стригу óвцы, пасý коровы, стременó (стремя), брѣ́ться, хорошая путь и пр.; считаютъ: двадцать-десять, тридцать-первóй; уменьш. собств. имена: Ваньча, Аринша, Сеньча; Нюша, или Нура, Нурка — Аннушка; Ша́ра—Саша; Шима—Евфимія; звательный именъ на *а* отличенъ отъ именительнаго и оканчивается на *ау*: дѣвчау! Петруньчау! Дѣвкау! Нарѣчіе пóломъ, какъ церковное испóлнь, вм. полный, -ая, -ое: домъ пóломъ, кадь пóломъ воды. За Байкаломъ шипящіе звуки *ж, ш, ч, щ* нѣсколько затрудняютъ туземцевъ, и они слегка цокаютъ и шепеляютъ; букву *р* вообще произносятъ чисто, но въ глаголѣ *поддерживать* картавятъ нѣсколько по-китайски (китайскія *р*, *л* сливаются), такъ-что слышится *поддаживать*. Почто пришелъ, вм. зачѣмъ; куда грядешь, сколь, опричь, наипаче въ общемъ ходу.

Чѣмъ дальше въ глушь, въ Сибири, чѣмъ далѣе отъ большихъ дорогъ, тѣмъ старобытнѣе языкъ и, вѣроятно, таковъ, какимъ былъ за 200 лѣтъ. Вотъ, для образчика, нѣсколько мѣстныхъ словъ:

Вóшкать, ся — мѣшкать, медлить.

Погóдье — ненастье.

Тойдѣй }
Мимо } безпрестанно.

Влáзины — новоселье.

Настольникъ — скатерть.

Носáтикъ }
Запáрникъ } — чайникъ.

Обу́тки — башмаки.
Пла́шка — огниво.
Скуты — онучи.
Сохарь — пахарь.
Сёска́ть — суетиться.
Братанъ } — двоюро́дный братъ.
Сродный }
Сестрени́ца } — двоюро́дная сестра.
Сродная }
Селѣтокъ — теленокъ, или жеребенокъ нынѣшняго приплода.
Третьякъ — теленокъ, или жеребенокъ по третьему году.
Медуни́ца — пчела.
Солнося́дъ — западъ.
Солнопекъ — югъ.
Яроститься — гнѣваться.
Перенова — пороша.
Живе́цъ — родникъ.
Гнусъ — насѣкомое.
Сты́рить — спорить.
Забо́й — суво́й, сугробъ.
Подволока — подбой подъ лыжами.
Прилу́гъ — возвышенное мѣсто при поймѣ.
Припле́ски — уступы по берегу, отъ воды́.
Располо́ться — распахну́ться, говор. о вскрытіи рѣкъ.
Строгани́на — мерзлая строганая рыба.
Гольцы — голыя, снѣжныя вершины горъ.
Молосный — скоромный.
Мучни́къ — мучной амбаръ.
Прохожій — бѣглый.
Скуда́ть — хворать.
Схва́тцы — застежка
Поскреба́льникъ — тупой ножъ, для скребни.
Яблоки — картофель.
Бое́цъ — тягловой мужикъ.
Опе́чекъ — отмель.
Матера́я — глубь, русло.

5. Нарѣчіе рязанское.

Къ нарѣчію рязанскому, южному, средне-русскому, или подмосковному, относятся губерніи: Рязань, Тула, Калуга, Орелъ, Курскъ, Воронежъ, Тамбовъ, Пенза, Саратовъ, Астрахань; нарѣ-

чіе это одной общей примѣтой аканья весьма легко отличается отъ новгородскаго, владимірскаго, сибирскаго, но мѣстами весьма сближается съ западнымъ, смоленскимъ, хотя и отъ него отдѣляется яснѣе, чѣмъ сѣверное отъ восточнаго. Отъ московскаго его также распознать нетрудно, потому-что оно, въ-сравненіи съ нимъ, всегда больше или меньше картаво. Признаки его:

1) Рязанское нарѣчіе акаетъ, т.-е. *о* безъ ударенія вездѣ произносится какъ полногласное *а*; звукъ о, напротивъ, который вообще во всей Россіи произносится далеко не такъ остро, какъ западное (напримѣръ, нѣмецкое, французское о), выговаривается еще полоротѣе, еще ближе къ *а*.

2) Вмѣсто *ѣ*, *е* нерѣдко ставится *и*, *я*, даже вмѣсто *о*: яні (они); вмѣсто *и* иногда *ы*.

3) Буква *г*, передъ гласною, измѣняется въ придыханіе, болѣе или менѣе крутое, но близкое къ западному h.

4) Буква *г*, въ род. пад. прилагательныхъ, произносится чисто (между *г* и *х*), не замѣняется буквою *в*, какъ принято во всей остальной Россіи, кромѣ Бѣлоруссіи.

5) Глаголы въ 3 л. (хо́дитъ, ви́дитъ) оканчиваются мягко, не на *ъ*, а на *ь* (хо́дить, ви́дить); иногда хо́деть, лю́беть.

6) Въ 3-мъ же лицѣ, ед. и мн., это окончаніе *ть* иногда вовсе откидывается: ру́ки баля́; іонъ везё', яна́ берё.

7) Есть наклонность замѣнять букву *л*, въ концѣ глаг. 3 л. прош. врем., буквою *в* или *у* (онъ ходи́увъ).

8) Въ неоконч. накл. частица *ся* иногда измѣняется въ *си*.

9) В никогда не произносится твердо, не звучитъ какъ *ф*, а напротивъ, близится къ гласной *у*, которою нерѣдко замѣняется, и обратно.

10) Весьма рѣдко и не во многихъ мѣстахъ нѣсколько цокаютъ (*ц* вмѣсто *ч*), еще рѣже чвакаютъ (*ч* вмѣсто *ц*) и въ этомъ случаѣ дѣля́тъ грѣхъ пополамъ и беру́тъ средній звукъ между *ч*, *ц*: никогда и нигдѣ не дзѣкаютъ (*дз*, *тс*), чѣмъ, между прочимъ, отличаются отъ Бѣлорусовъ и Смолянъ.

11) Частица *что* произносится: штё, штѣ, щё, ще, тогда-какъ въ другомъ акающемъ нарѣчіи, смоленскомъ, она произносится *шта*, иногда *шты*, весьма рѣдко *ща*.

Мнѣніе, будто Ока въ *Рязанской* губерніи служитъ границей аканья и оканья, неосновательно; можетъ-быть, это было нѣкогда, — нынѣ въ *Егорьевскѣ* и *Касимовѣ*, по заочью, акаютъ, и притомъ въ первомъ самымъ полоротымъ рязанскимъ говоромъ: яго́льникъ (горшокъ), та яру́я, вазми, нявѣстка, цупи́зникъ (чумичку), да уцупи́зни яго́! Но справедливо, что на этой лѣвой, Мещерской

сторонѣ, по направленію къ Владиміру, говоръ во многихъ селеніяхъ представляетъ что-то особенное, и звукъ *о* замѣняется какою-то двугласною: *уо, уы,* почти какъ мѣстами на Вяткѣ и въ Черниговской, на сѣверномъ берегу Десны, на предѣлахъ нарѣчій мало- и бѣлорусскаго. Около *Касимова*, да и *Егорьевска*, легонько цокаютъ: цалаѣкъ, тысица, но слышно не чистое ц, а средній звукъ. Около *Рязани:* тя-ба, кумъ, калдя кá-мнѣ! Да я бы-та, кумъ, и таго, да шана-та мая вишь тае, ну'шъ и я растагó. Ты хатѝшь; на сѣверѣ говорятъ *зыкъ*, въ Рязани *зыкá*; тамъ зыкъ этотъ *ужаснющій*, тутъ зыкá *ужастѐнная*; иногда ставятъ *ѣ* вмѣсто *и*: чѣмъ я таѣ обѣдилъ? Есть нѣсколько особенныхъ словъ: Тяпóнка — палка, двошѝть — дурно пáхнуть, чáчеръ — холодный и мокрый вѣтеръ, ѣдовый — съѣдомый, обмахáльникъ — тряпица, поновляться — причаститься.

Въ *Тульской* губерніи говоръ тотъ же, но сочетаніе звуковъ *а*, *я* съ буквою *г* менѣе рѣзко. Вотъ нѣсколько словъ, записанныхъ тамъ: Вузыкáть — дразнить собаку; вѣковуха — старая дѣвка; головище — вершина рѣки; достойникъ — мастеръ; дуромъ — сдуру, безъ толку; мановью — цѣликомъ, полемъ; подлокотникъ — переносчикъ, доносчикъ. Есть и малорусскія: огарнýть — укутать, обнести; моторный — проворный; дармá — даромъ, и пр. Въ *Каширѣ* записалъ я между прочимъ: бýдя (будетъ), бягý, бижáлъ, вошпиталь, гля-ка, гаркни ямý (закричи), ёнъ видё, отбёгъ, собака жрё.

Калужская. Тама-та есть стёжка божоненька, въ лазникѣ-та, а туда не пустять та'ѣ такъ-та, а перёдъ та'ѣ глазá накрыеть, да и паведеть старый дѣдъ; вотъ и паведеть — тамъ, слышь-ты, зляка такая, щё ну! тамъ логъ, а въ логу-та дромъ да буреломъ, такой що-й не прайдешь, и икона стайть и уся вызлащена, какъ жаръ, и плахта (окладъ) на ней ясными камнями гарить, а басому хадить незля, земля, слышь, калянáя, а у канецъ вершины дверца желѣзная къ пагребу; а итти хотѝшь — снизаться (одѣться) надобить, такъ, слышь, сиверко, и пр..... Калужанъ дразнятъ: щаголъ щаглуя на асинавымъ дубу, да какъваскагуркне!

Это записано около *Мещовска*, но почти весь калужскій говоръ таковъ, съ малыми уклоненіями: въ *Боровскѣ* говорятъ: цто, цаво, цашка; въ *Медыни*—овча, чеpяпать, чарáпать; и въ *Бѣлевскомъ* произносятъ *ч*, *ц* нечисто. Во многихъ мѣстахъ слышно здля, вмѣсто для него; *у* вмѣсто *в*, и на-оборотъ; йёнъ, янá, йентѣ, йанó; верть, вертай вмѣсто поверни; вýголъ, вуглей, огневъ, царѐдъ (очередь); *х, ф, хв, кв* путаютъ: хвáлинъ, куфáрка, фалѝть, Хвядотъ, фостъ, фатера; шти, кѣсто (тѣсто), паламарь; но всего замѣчательнѣе, что въ *Боровскомъ* уѣздѣ, какъ увѣряютъ, яблокъ

гнилой, сѣно хорошъ, яйцо свѣжій, полотенце бѣлъ, т.-е. средняго рода нѣтъ, а уравненъ онъ съ мужескимъ.

Въ *Малоярославцѣ* почти все тоже; слышно также: ударить палкуй, дай менѣ, иди купатцы, онъ байтцы; ѣду у Калугу, былъ въ тебѣ; слухай ухами; Рассея, Кѣевъ; пайдѣшь, найдѣшь; чи, кормилица, куда ходила? Я бай гаварилъ яму, штабы йонъ бай съѣздилъ, а ёнъ бай не послухался.

Мосальскій уѣздъ замѣчателенъ сосѣдствомъ съ Бѣлорусами; уѣздъ дѣлится на двѣ части (это же дѣленіе принято для становъ); въ Калужской половинѣ живутъ *Поляне*, народъ довольно видный, языкъ чистый, только замѣтна путаница въ буквахъ *у*, *в*; въ Смоленской половинѣ живутъ *Польхи*, вовсе отличающіеся искаженнымъ нарѣчіемъ, подходящимъ болѣе къ дурному смоленскому: Иванъ, чя-ты! Ти ты паѣдишь у поля! А няжъ (неужто нѣтъ?), а кали паѣдишь, дакъ вели бабѣ спречь яёчню, а я троху принису гарелки, тюкнимъ па чарки, да и баста!

Въ *Жиздрѣ*, кромѣ Ахванаса и ахвицера, слышно также зля (для), увесь, это ей (ея) серги, онъ бѣгать и пр. А на чаіожъ ты працилъ гамзу-та, и купилъ ба сабѣ боты-та (сапоги), кали надобить.

Въ *Калужской* губерніи: молодикъ — молодой мѣсяцъ, ветухъ — послѣдняя четверть; поползуха — легкая заметь, мятель; живецъ — подзёмъ, подпочва; себръ, сербъ — сосѣдъ; жуть — много; *сядница* — сегодня; валей — лучше; галобиться — торопиться, стараться; обнять — ободрать шкуру; затолока — свиное сало; питушка — ковшъ; танокъ — хороводъ; вшелобъ — угорье, взлобокъ; харпай — армякъ; шаврка — ложка, и пр.

Въ *Щиграхъ* ѣздють, идуть къ сестры, приходять отъ сестрѣ; вѣжливый извощикъ кричитъ, вмѣсто пади, *примитеся*, и говоритъ о пьяномъ, что онъ *наизволился*.

Въ *Орловской* губерніи, гдѣ Трубчевскъ принадлежитъ болѣе Малороссіи, а Елецъ Тамбову, нарѣчіе вообще мало разнится отъ сосѣднихъ. Ельчанъ дразнятъ: у насъ въ Ельцѣ, на Саснѣ рѣцѣ, курица вутёнка вывела! Замѣтна наклонность къ замѣнѣ звука *е* звукомъ *и*. свизать, непріятиль, начивать; предлогъ *въ* всегда замѣняется предлогомъ *у*, и на-оборотъ; *х*, *ф* постоянно замѣняются одна другою: форостина, фостъ, Хвилипъ, хвуражка. И тутъ большею частію носятъ воду изъ рѣкѣ, ѣдутъ гостить къ тетки; ѣдутъ на лошадёхъ, ставятъ избу на восьмёхъ столбахъ, Во *Мценскѣ* слышно: нязнай (не знаю), слухайтя, всяво, копейкя; шапочкю, копейкію(ою), рубашкыю, *линіякъ* (линѣекъ), вы берётя, мы тибѣ читаимъ, набось, намного (не), яблыко, іоны хва-

лють, скорѣиче (скорѣе), или скорѣева; да мене вм. ко мнѣ, ѐхну-кася вмѣсто а ну-ка.... и пр.

Особыя орловскія слова: не спуще — не очень; потопа — грязь. сигать — прыгать; бодряшка — щеголь; груба — печь, или, чаще, труба; добышной — смышленый; жабтиться — заботиться; заверѣть — починить; извара — ушатъ; брыль — картузъ; вихляться — качаться; допясться — добраться; дулебъ — безтолковый; жадовать — жадничать; мозжить — дробить, и пр. Тутъ есть и малорусскія слова.

Куряне очевидно принадлежатъ къ какому-то особому поколѣнію: приземистые, плотные, широколобые, волосъ темно-русый или рыжій, глаза каріе; народъ работящій, но вороватый и злобный. Замѣтимъ, однако, что уѣзды Корочанскій, Суджанскій, Гайворонскій населены одними Малороссами.

Въ Курской глаголы въ 3-мъ лицѣ всегда оканчиваютъ на *ть*; равно всегда обмѣниваютъ взаимно *ф*, *х* и *хв*; вмѣсто *щ* ставятъ двойное *шш*; затѣмъ: *я*, *и* вмѣсто *ѣ*; *е*: качирга, чилавѣкъ, билена, бяжать, бялуга, енъ умѣить, чирисъ (черезъ), мяту, маяго, онъ дѣлая; *а* вмѣсто *е*: табѣ, сабѣ, чатыре, жана, ражаство; *ы* вмѣсто *а*, *о*: удыришь, мырда; *и* вмѣсто *я*: питирня, учился, ьидро (ядро); *е* вм. *и*: венокурня, видешь, чистешь; йевто, йекай; *у* вм. *ы*: бувалъ, бувалача (бывалочи); *г* передъ гласною всегда какъ латинское *h*, а послѣ гласной не обращается, какъ у насъ, въ *к*, но въ *х*: снѣхъ, друхъ; *м* вм. *в*: дамно, ромно, недамно; *у* вм. *в*: усё, усегда, успахать, у церкви, иду у поле; *в* вм. *у*: невгадалъ, вбить (убить), входить (уходить); *ѣ* вм. *е*: живѣшь, онъ завѣть, вы паѣте; говорятъ: твѣты, зямчукъ, іоны, платють, чистють, тужуть; вичорить вм. вечерять; маминькя, дядинькя, пенькя, чайкю, кваськю; челэкъ вм. человѣкъ; онъ не магить (можетъ); ввоймить вм. уйметъ; пер'вези вм. перевези; правадёмши вм. проводивъ; въ предл. иногда *ы*: кы-двару, кы тебѣ; иногда куго, я радёхунька; курей, платьей; Петръ — Петренеюшкя; Максимъ — Моськя; Авдотья — Донькя; Логгинъ — Лагуткя. Что—щё. Образчикъ говора: «Чаломъ бью, здароважъ вамъ, живы ли вы са'ѣ? Здарова живѣте! — Здарова, сватъ, слава Богу; каково са'ѣ живѣте? щё кажишь? — Да щё, абъ нуждачки сваей; мамушкя хваряя, да взманилась ей кваскю испить. Щё-жь евта ты робишь?» Слово робить, какъ и много другихъ малорусскихъ, встрѣчаемъ мы въ Архангельскѣ и въ Курскѣ; но замѣтимъ, что тамъ удареніе всегда перенесено на русскій ладъ, напримѣръ: ро́бить, а здѣсь осталось малорусское — робить.

Воронежская губернія весьма сходна съ Курскою: *Новохоперскъ*, *Павловскъ*, *Богучары*, по говору, почти не отличаются отъ донскихъ станицъ, а *Валуйки*—отъ Харькова. Сильное вліяніе малорусскаго нарѣчія замѣтно во всей губерніи, которая населена была при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ I: первый выселилъ туда мастеровыхъ, военныхъ людей, боярскихъ дѣтей; второй — матросовъ, стрѣльцовъ, рабочихъ, а также боярскихъ дѣтей, отказывавшихся отъ службы; они въ-послѣдствіи изъ однодворцевъ обращены на окладъ, — и все это смѣшалось съ Малоруссами.

И здѣсь также йонъ хòдить, янѝ гавòрють, яна пекèть, при чемъ это *е* не измѣняется въ *ё*. Агонь (г = h) жгеть, іонъ ягò стерегèть; іонъ *кàня* палкуй, яна уйдè; онъ лàзяить, ѣздяить (въ Оренб. и др. восточн.—ѣздіютъ); наѣлси, или наѣуси; дралсѝ, не бойсѝ; въ прилаг. произн. *е* какъ пишутъ: стàрага, мàлага, сѝняга; у лѣся (въ лѣсу), у гòродя, у пòля; въ мене (у меня), въ тебѣ (у тебя), повтрỳ (поутру); Хведотъ, Хвилипъ, куѳня, но говорятъ ахабка, бахромка; на рѣчки, у мужичкя и пр. Существ. средн. р. склоняются: дѣловъ, мѣстовъ, но яѣцъ (яицъ), а къ нимъ идутъ прилагательныя въ родѣ женскомъ: куриная яйцо, чистая лицо, а нерѣдко и окончаніе *о* измѣняется на *а*: ета сѣна зеленая, проса крупнà, пшена желтая такая, масла горькяя; ружье добрая, да и дорогая; моя паштèнье.

Собственно воронежскихъ словъ, кажется, нѣтъ; или они довольно общи, или перенесены съ Дону, изъ Малороссіи и пр. Вотъ говоръ въ *Нижнедѣвицкѣ:*

Здарова, дядя Алдòха! Що, ай пашенѝцу вазилъ у городъ?— А то щожь? — Ну а пачаму атдавалъ? Па дисяти съ двугривянньмъ, восямъ у грябло! — А нашихъ рабятъ съ пашаномъ видялъ, щой? — Дядя Митяй сустрѣлси на базаря, калачи рабятишкамъ умѣстя пакупàли. Ну, паслалъ жа намъ Гасподь сухмѐнная лѣта! Хлѣбушкя у поля какъ вàрамъ паварѝла! Солнушкя-та жаря, жаря, ажно не въ сутерпъ прихòдя!

Въ *Тамбовской* губерніи, далеко растянувшейся по полуденнику, *Елатьма*, *Темниковъ* и частію самый *Шацкъ*, на сѣверѣ, принадлежатъ, по говору, къ Мурому и Касимову, а вся половина южнѣе Тамбова — къ Воронежу, отъ котораго и вообще Тамбовъ, по нарѣчію, весьма мало отличается. Въ большей части губерніи средній родъ замѣняется женскимъ; творительнаго падежа для предметовъ одушевленныхъ не знаютъ, а обходятся безъ него (?); един. ч. всегда идетъ вмѣсто мн. ч., въ видѣ собирательнаго; въ глаголахъ г, к не измѣняются при спряженіи (іонъ бягеть, мы стерягемъ, сяку, сякешь и пр.); янѝ хòдють, возють, шутють;

прич. дѣйств. и страд. наст. врем. вообще въ народѣ мало въ-ходу, а здѣсь ихъ нѣтъ вовсе; глаг. дѣйств., означающіе работу, употребляются въ формѣ страд.: попахаться, пошиться, попрясться; любятъ сокращенія, глотая буквы и слоги; не только пака (поди-ко), глака, слы (слышишь), ньякъ (не какъ), но и табѣнчалъ вм. тебѣ чаялось, и т. п.

Тамбовцы *л* въ концѣ 3 л. глаголовъ не замѣняютъ буквою *в*, а предлоговъ *въ*, *у* обыкновенно не путаютъ. Напѣвъ не противный, но таковъ, что въ одномъ словѣ нерѣдко два и три слога длинныхъ, съ удареніемъ.

Въ *Темниковѣ* не любятъ *х* и замѣняютъ его буквою *к*; вмѣсто *ою*, *ею* вин. пад. оканчиваютъ на *уй*, *юй*: кашуй, морковьюй, мамынькуй; гыварить, зызванить, бырада, мынастырь; даже кыкъ вмѣсто какъ. У *Кадома* есть небольшой слѣдъ цоканья: прочь произносится почти какъ процъ. И въ *Козловѣ* очень жалуютъ *ы*, замѣняя имъ много гласныхъ, а *что* произносятъ *щи*. Вообще, воронежскій говоръ: што, ешто (еще), тамбовскій: щё, ища.

Особыя слова: порусъ — быкъ; хрёкъ — кабанъ; уполохъ — набатъ; ряха — щеголиха (противное неряхѣ); порядня — порядокъ; перепелесый — пестрый; корецъ — ковшъ; кондырь — рукавные отвороты; косовица — покосъ; вага — рычагъ; дрюкъ — дубина; игрецъ — параличъ, нечистый; азнавись — нечаянно, и пр.

Въ *Пензенской* говорятъ вообще такъ: Лихова-та челъ'эка ни кличишь; ишь-ты, я ныня утромъ збусыкалси, чуть брезжетца, и гдѣ-та ица на зорачки вскачилъ и все ганашилси на базаръ свисти маченцу дисятакъ-другой, читьвирика съ три мучицы дикушнай (гречневой), да патничашка рибяты надысь сваляли, прадать; а сибѣ купить тажь пануждилась: та дикатьку, та соли, та штё, для дамашняга дѣла; павиденьи-ти наши вистямы, зна'шь. Вотъ мая старуха и батъ: вить тибѣ да-городу тристись нада ня близка; семъ-кашички сваримъ съ саламъ, аль нивѣска запуститъ лапшицы; пабуздай, животъ крѣпши, дакъ на-серцы лекши....

Но не вдалекѣ отъ этого можно услышать, въ *Нижнеломовскомъ* уѣздѣ, у такъ называемыхъ Мещеряковъ, такой говоръ. А що, бацка, дай ищо ставцыкъ браги, радзимай; ѣздилъ у сяло къ бацки-папу, пагутарить кая-цаво. Онъ-та бала ни таё, да мацка-пападья смарацыла дѣла-та; я бацки и бухъ у ношки: бацка, бацка, гдѣ тваи ношки, тамъ, кармилецъ, наши галовки; свинцай Ягорку, да и будя! Тутъ бацка насацылъ мнѣ стаканцыкъ винца, да цаплашки съ три браги; я захмилѣлъ, да и загралъ (запѣлъ): Ай вы, ягуны, застуцали-у цугуны......

Первое, болѣе общее нарѣчіе, отличается отъ общаго же рязанскаго твердымъ окончаніемъ въ глаг. 3 л., не замѣною предлоговъ *въ*, *у* одного другимъ; поменьше набиваютъ хайлó (ротъ) звукомъ а; остальное все то же; второе представляетъ нѣсколько особенностей: въ рязанскомъ нарѣчіи вообще цоканья мало, и оно отличается отъ цоканья óкающаго: какъ изъ обращика видно, только *ч* замѣняется буквой *ц*, послѣдняя же, на своемъ мѣстѣ, остается; равно *ш*, *щ* произносятся чисто. Сколько знаю, на всемъ пространствѣ рязанскаго нарѣчія нигдѣ болѣе, какъ у пензенскихъ Мещеряковъ, не слышно, ито едва замѣтнаго, дзѣканья.

Особыя выраженія: пересада — кровь носомъ; божегнѣвный — сумасшедшій; капаушка — уховертка; кóко — яйцо, отъ этого кокура; поторáчка — женщина малаго роста; не удавать — не уступать; культя́пый — кривопалый; нáвязень — кистень; пóножи — силки; пьюша — пьяница; палуси́ть — врать, лгать, и пр.

Саратовская губернія, какъ Оренбургская, населена изъ двадцати губерній; но какъ во второй взялъ верхъ владимірскій говоръ, а въ Сибири новгородскій, такъ тутъ рязанскій. Впрочемъ, отъ смѣшенія этого онъ обтерся, у старожиловъ, и вообще довольно чистъ; двѣ крайности (*а*, *о*) замѣтны только у новыхъ переселенцевъ и у Малороссовъ, которыхъ тамъ много. Своими словами Саратовъ, по той же причинѣ, похвалиться не можетъ.

Объ *Астраханскомъ* краѣ надо вообще сказать тоже; и тутъ населеніе набродное, со всей Россіи, молодое, не слившееся въ одно цѣлое; но тутъ сосредоточились юго-восточное судоходство и рыбные промыслы наши, образовавшіе цѣлый языкъ промысловый, почти неизвѣстный въ остальной Россіи. Бóльшая часть англійскихъ и голландскихъ, замѣчательно искаженныхъ словъ, принятыхъ во флотѣ нашемъ, могли бы быть замѣнены выраженіями волжскихъ, каспійскихъ и бѣломорскихъ мореходовъ. Но объ этомъ языкѣ говорить здѣсь не къ чему: это не говоръ, не нарѣчіе. Покойный П. Ѳ. Кузминцевъ, умѣвшій цѣнить народное, собралъ, что́ могъ, въ этомъ родѣ, въ Астрахани, Архангельскѣ и Камчаткѣ.

Въ губерніи говоръ вообще рязанскій, т.-е. áкающій, но слегка. Есть селенія óкающія; инородцевъ много. Въ самой Астрахани почти всегда ставятъ творит. пад. вмѣсто предложнаго; П. Ѳ. Кузминцевъ замѣчаетъ, что не слѣдовало бы такъ говорить въ Астраханск*имъ* царст*ви*: въ такимъ случаи, въ однимъ мѣсти, въ моимъ доми. Въ *Красномъ-Яру* говорятъ даже: онъ на водамъ (на водѣ), они въ избамъ (избѣ), ставя твор. пад. мн. ч., потомучто слово женск. рода; видно, твор. ед. ч. вмѣсто предложнаго

въ *этимв* случ*аи* даже и Красноярцамъ показался неудобнымъ. Въ *Черномв-Яру* слышно: будневный (*в* вм. *ш*), у день, у ночи́ (днемъ, ночью); пойдемъ подъ насъ, подъ васъ, т.-е. къ намъ, къ вамъ. Здѣсь же считаютъ: полпята̀, пол'сёма̀, полдесята̀, полдевята̀-ста (т.-е. 850) и пр. Астраханскіе казаки (напримѣръ, Бугровской станицы) говорятъ: сшека̀ (щека), сшепа̀, леёшъ (льешъ), сши (щи), доржи́, доржа̀ть, умѣ'шь, зна'тъ, дѣла'тъ. Въ *Енотаевскѣ* говорятъ: «отгани́, гдѣ я былъ? Гриша̀нька хочетъ тащить дѣвку у Шабрёнка (т.-е. за себя взять); ну, братища, хочабъ и не ему.» Въ Астрахани, не говоря о Татарахъ, Хивинцахъ, Бухарцахъ, Туркменахъ, Киргизахъ, Калмыкахъ, Армянахъ, Грузинахъ, Персіанахъ, кавказскихъ горцахъ, Индѣйцахъ, между Русскими слышно на каждомъ шагу: шабёръ, машта̀къ, башка̀, чихи́рь, бурдюкъ, бахча̀, бирюкъ, буда̀рка, вавило̀ны, ергакъ, ерында̀къ, шура̀пки, иса̀ды, кука̀нъ, кумганъ и проч. Замѣчательно, что хотя главные ловцы и промышленники въ Астрахани Нижегородцы, не менѣе того общая масть говора осталась рязанскою.

6. *Нарѣчіе новороссійское.*

Съ тѣхъ поръ, какъ степь отъ Днѣстра до Дона, служившая поприщемъ для поперемѣнныхъ набѣговъ Крымцевъ, Кубанцевъ, Турокъ и Запорожцевъ, окончательно подчинена Россіи, она заселилась вполовину Малороссами, а вполовину набродомъ изъ Великой Руси. Какъ въ Сибири господствуетъ низкій говоръ первыхъ поселенцевъ, а въ Астрахани высокій, такъ въ Новороссійскомъ краѣ на говоръ, даже высшаго сословія, наложилъ неизгладимую печать свою языкъ малорусскій; но общая наклонность и желаніе — рѣдко удачное — говорить по-московски. Мѣстами селились здѣсь Болгары, Сербы, Волохи, даже Венгры и Поляки, Нѣмцы, Греки, Армяне, и все это населеніе удобрено Жидами. Кромѣ Жидовъ, Грековъ, Армянъ и Нѣмцевъ, все остальное видимо русѣетъ, а отчасти и обрусѣло.

Къ Новороссійскому краю относятся губерніи: *Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Бессарабская.* Языкъ вообще пестрый, шаткій, нечистый; полурусское, жосткое произношеніе украинскихъ словъ непріятно: вмѣсто мягкаго, дѣтскаго звука между *ы, и* безпрестанно слышите дебелое *ы*, и вообще оба звука эти мѣшаются. Ударенія крайне измѣнчивы и шатки: глы́боко, таможённый, деньга̀ми, онъ зво́нитъ и пр. слышно за каждымъ словомъ; стараясь удалиться отъ ударенія украинскаго,

каждый ставитъ удареніе на-угадъ, гдѣ ему кажется звучнѣе. Г передъ гласною измѣняется въ придыханіе; окончанія *аго*, *яго* произносятся такъ, что *г* слышно; *о*, хотя и не совсѣмъ полное, господствуетъ и произносится гдѣ пишется. Эти двѣ послѣднія примѣты, свойственныя собственно малорусскому, не встрѣчаются нигдѣ болѣе, какъ въ подражающемъ ему новороссійскомъ нарѣчіи, да еще въ новгородскомъ. Мнѣ хотится, они хочутъ, онъ самъ, вмѣсто онъ одинъ, поспытать—спросить, чиго-нèбудь, вырубать (высѣкать) огонь, обовязать и пр. Буквы *б*, *в*, *г*, *д*, *з*, *ж* не замѣняются въ произношеніи, при сочетаніяхъ, соотвѣтствующими твердыми, но выговариваются отчетисто: кружка, ловъ (почти лоу), из-ключит, з-бавить, згорѣть; равно *ч* въ словахъ что, скучно и др. не замѣняютъ буквою *ш*; звукъ *я* никогда не измѣняется въ *е*: заяцъ, ячмень, отчаяніе произносятся очень отчетливо. Наконецъ, весьма часто слышишь *у* на мѣсто *в* и наоборотъ, да малорусское, мягкое окончаніе: онъ хòдить, они умываються. Если съ одной стороны иноплеменцы здѣсь обмоскалились, то съ другой, во всѣхъ, даже и великорусскихъ селеніяхъ, народъ принялъ этотъ говоръ: исключеніе составляютъ одни только русскіе раскольники (малорусскихъ нѣтъ ни одного), которые, будучи поселены здѣсь въ разныхъ мѣстахъ лѣтъ тому сто и болѣе, сохранили языкъ свой почти чистымъ.

Здѣсь въ общемъ ходу обороты: я нанялъ (т.-е. отдалъ внаймы) свой домъ; это было за (т.-е. при) губернатора NN; вы смѣетесь съ меня; онъ похожъ съ нимъ; ты мнѣ виноватъ (долженъ); для (по) какой причны; я расказывалъ да игрался (болталъ да игралъ); я за его запомнилъ (я объ немъ забылъ), и пр.

Словъ, принадлежащихъ собственно Новороссійскому краю, кажется, нѣтъ — кромѣ развѣ франзòля, французскій хлѣбъ — а принято много малорусскихъ да по сосѣдству татарскихъ, иногда волошскихъ, жидовскихъ и др.

7. *Донское нарѣчіе.*

Донцы раздѣляются на Верхòвцевъ и Низòвцевъ; первые сидятъ по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, верстъ на 300 отъ границъ Воронежской губерніи; всѣ остальные называются Низовцами. Первые, по происхожденію, почти всѣ Великоруссы; вторые Малороссы. Кромѣ того, всѣ помѣщичьи крестьяне Донскаго Войска Малороссы. Нарѣчіе между тѣми и другими исподволь выравнивается; но мѣстами малорусское слышно еще почти

чистое, тогда-какъ великорусское сильно отзывается югомъ. Говоръ у нихъ вообще на а (у Малороссовъ на о); *г* передъ гласною обращается въ придыханіе; окончаніе въ 3 л. глаг. мягкое: начевалъ себѣ здарова, дневалъ себѣ здарова — обыкновенныя привѣтствія; сколько ты, братуша, ведровъ воды принесла? Не могй говорить это; право-жь-ну; анадысь были и пр. У Донцовъ есть особыя словà, какъ, напримѣръ: дротикъ — копье, пропàсть — отлучиться, полосà — сабля, и много хорошо составленныхъ реченій, по своему ремеслу, отчасти принятыхъ въ-послѣдствіи въ военномъ языкѣ: Скрасть караулы, добыть языка, стоять на слухý, пойти или наступить лàвой, прихватить гривки, дать лошадью маякà, итти о-двуконь, вести коня въ заводѣ, сбить съ пахвы, итти на побѣгъ, показать непріятелю примѣръ; побѣжка лошади—вмѣсто алюръ, опознаться—вмѣсто черезчуръ нерусскаго: оріентироваться, и пр. У донскаго нарѣчія много общаго съ новороссійскимъ.

8. *Смоленское нарѣчіе.*

Это четвертое — изъ четырехъ главныхъ нарѣчій — или, по нашему счету, осьмое, западное, бѣлорусское, или смоленское, — идетъ отъ Москвы на западъ и незамѣтно переходитъ въ чистое бѣлорусское, на которое уже значительно намекаетъ даже говоръ въ *Волоколамскѣ*, *Рузѣ*, *Можайскѣ*. Безъ всякой натяжки можно бы включить сюда всѣ западныя губерніи наши, и тогда къ нарѣчію этому будутъ принадлежать губерніи: Смоленская, Витебская, Могилевская, Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская; но мы здѣсь ограничимся Смоленскою и сосѣдними съ нею уѣздами. Нарѣчіе это, по грамматикѣ, принадлежитъ болѣе къ великорусскому; по множеству примѣси словъ и частію по произношенію — къ малорусскому и польскому; а собственно по произношенію отчасти самостоятельно.

Въ смоленскомъ нарѣчіи àкаютъ до приторности, и àканье это усиливается на западъ и югъ, черезъ Бѣлую до Черной и Малой Руси, переходя въ языки польскій и украинскій. Однóго этого признака достаточно для отличія смоленскаго нарѣчія отъ новгородскаго, владимірскаго и даже отъ московскаго; но надо искать другихъ, для отличія его отъ рязанскаго, новороссійскаго, донскаго; это

1) *дзѣканье*, общее всей Бѣлой Руси, за весьма немногими исключеніями: вмѣсто *д*, *т* слышится *дз*, *тс*; но шипящія произ-

носятся чисто. Изъ этого слѣдуетъ окончаніе глаголовъ на *ць* вмѣсто *ть*. Затѣмъ —

2) Господство, послѣ *а*, звука *у*, который часто замѣняетъ *о*, *в* и даже *л*: ваукъ, вуыкъ — волкъ; узяуся — взялся; тутъ на *у* должно послѣ гласной ставить кратку (˘), какъ у насъ на *и*.

3) Предлогъ *съ* произносится *зъ*.

4) Слѣдующія за шипящими, за *ц*, *р*, двугласныя (*е*, *ѣ*, *я*, *ю*) обращаются въ гласныя простыя или твердыя (*а*, *у*): жыць, жыта, цыпаць (цѣпать), трэсць (трясти), шыть, шыло, граховъ вмѣсто грѣховъ, трабухъ вмѣсто требуха, кручокъ и пр.

5) Есть наклонность, хотя и не общая, къ замѣнѣ мягкаго *ль* твердымъ *л*: палцы, калцо.

6) Буквы *г*, *к*, въ косвенныхъ падежахъ, особенно передъ *ѣ*, часто измѣняются на *з*, *ц*: на дорозѣ, на нозѣ; зато въ глаголахъ остаются: ты лгешь, пякёшь, іонъ лгець, пякёць, вы лгёця, пякёця.

7) Гласныя *о*, *у*, въ началѣ словъ, всегда имѣютъ передъ собою *в*.

Болѣе или менѣе общія съ рязанскимъ нарѣчіемъ свойства: *г* передъ гласною обращается въ придыханіе (h) и вообще никогда не произносится круто; окончанія *аго*, *его*, *яго* произносятся какъ пишутся, не измѣняя *г* на *в*; обращеніе *е*, *ѣ* въ *и* или *я*, на что даютъ слѣдующее правило: коли первая гласная послѣ *е*, *ѣ* будетъ *у* съ удареніемъ, то первые измѣняются въ *я*: ня буду, пабягу, пятухъ; если же другая гласная, либо *у* безъ ударенія, то въ *и*: ни гукай, пируно́мъ (а съ удар. на у, пяру́нъ), питушо́къ; если же буквы *у* нѣтъ вовсе или она въ третьемъ слогѣ отъ ударенія, въ полугласныхъ (съ краткой), то *ѣ*, *е* обращаются въ *и* передъ *а*, *я*, — передъ прочими же гласными въ *я*: ниукавы́рный, ниугамо́нный, няуко́мъ-жа давъ. Но если, въ этомъ же случаѣ, въ слогѣ за полугласной *у* слѣдуетъ опять *у*, то *е*, *ѣ* обращаются въ *и*: ни упуцы́.

Такимъ-образомъ, кажется, Смоляне не знаютъ разницы между *е*, *ѣ*, и буква эта въ какой-то связи съ любимымъ ихъ звукомъ *у*.

Даютъ, впрочемъ, и другое правило, можетъ-быть болѣе вѣрное: коли послѣдующій слогъ подъ удареніемъ, то *е*, *ѣ* переходятъ въ *я*, а послѣ кореннаго *ц*, *р*, *ш*, *щ*, *ч* — въ *а*. Если же въ слогѣ подъ удареніемъ будетъ *а*, *я*, то *е*, *ѣ* переходятъ въ *и*, а послѣ *ц*, *р*, *ш*, *щ*, *ч* — въ *ы*. Замѣчательно склоненіе слова дитя:

И. Дзяцё. Р. дзиця́. Д. дзяцю́. В. дзяцё. Тв. дзяцёй. Пр. о дзяцѣ.

Относительно дзѣканья замѣтимъ слѣдующія правила: Если, за *д* слѣдуетъ гласная мягкая (двугласная), то говорятъ дзень, людзи, дзнёмъ, дзвѣ, дзля-чаго; а также, если при *д* находится *ь*: будзь, грудзь, судьзба, вѣдзьма. Напротивъ, коли за *д* слѣдуетъ гласная простая (твердая) или *в*, то не дзѣкаютъ: сюды, вода, дно, два; дзѣдъ, прудъ.

Тоже правило относительно *т*: тсѣнь, тсётка, тутачки, твѣтъ, казаць, галузаць (шалить), палатно, трава.

Можно дать еще слѣдующія примѣты смоленскаго нарѣчія:

Увеличит. степень оканчивается на *уга*, *юга*: мужычуга, вавчуга, дамюга, бараздюга.

Звательн. пад. въ ж. р. иногда оканчиваютъ на *ухна*: о матухна, цётухна (тетка).

Отъ собств. именъ есть особаго рода производныя, для дѣтей, Иванъ—Иваненокъ, Петро—Питрачонокъ, Семенъ—Сямчонокъ, а во мн. ч. — Иванюты, Питрачаты.

Согласныя передъ *ь* сдваиваются: жицьцё (житье), видзяньнё, бяльлё, васельля, калоцьця.

Множ. число оканчивается на *ы*, *и*; другихъ окончаній (*а*, *я*) не знаютъ: глазы, вухи, кручча, волосьси; добрыи, чорныи (черные, я), дарагіи, харошіи.

Сущ. на *ь* м. р. мн. ч. въ род. пад. оканчиваютъ на *ёвъ*: гасцёвъ (гостей), дзнёвъ.

Въ прилагательныхъ, вмѣсто *ой* слышно твердое *эй*: святэй, худэй, злэй, чужэй, а послѣ гортанныхъ *ей*: другѐй (другой), якѐй, такѐй.

Передъ твердыми гласными, буквы *ф*, *ѳ* обращаются въ *х*; передъ мягкими—въ *хв*; коренная же буква *х* произносится чисто: Хама (Ѳома), хунтъ, Хранцузъ, Хведзька, Хвядотъ; хуторъ, харашо. Въ глаголахъ: окончаніе *овать*, *евать* измѣняется въ *увацъ*, *ювацъ*; крыць — крыю, крый; мыць — мыю; пѣй пѣсню, пій брагу; я ѣмъ, ты яси, яны ядуць; вообще 3 л. оканчивается не на *тъ*, какъ въ новгородскомъ нарѣчіи, и не на *ть*, какъ въ рязанскомъ, а на *ць*: йонъ гаворыць, яны ходзюць; *въ* вмѣсто *лъ*: йонъ хадзивъ, бывъ, пражыкувавъ; но во мн. ч. остается *л*: яны хадзили. Эта послѣдняя черта приближаетъ бѣлорусское нарѣчіе къ малорусскому. Гласная *е*, безъ ударенія, обращается и въ глаголахъ въ *и* либо въ *я*; съ удареніемъ же остается, переходя, впрочемъ, въ ё только въ 1-мъ л. мн. ч. наст. врем.

Въ Смоленской губ. отчасти не дзѣкаютъ только въ ***Вязсмскомъ*** и ***Гжатскомъ*** уѣздахъ; о прочихъ можно сказать съ Украинцами: хиба лихо озьме Литвина, щобъ винъ не дзѣкнувъ. Въ ***Дорого-***

бужѣ слышимъ уже: слухай, хадзи, ошукауся (обманулся); въ *Сычевкѣ* кто дзѣкаетъ, кто нѣтъ, но всѣ говорятъ: бáвиться, стежка, у комнати, я войду вм. уйду. Въ сосѣднихъ губерніяхъ Ржевъ, Зубцовъ, Волоколамскъ, Можайскъ, Медынскъ, Мосальскъ носятъ на себѣ болѣе или менѣе признаковъ бѣлорусскаго или смоленскаго говора, которому слѣдуетъ образчикъ:

Яжъ табѣ казáвъ, не бярú больши адъ яднагó вóза; ну, и увзя́у ба адзинъ. Якъ хто хочиць, такъ па сваёмъ бацьку и плачиць. Кабъ ня дзóрка у рóци, хадзіу ба у злóци (о пьяницѣ). Абицáнка цацáнка, дурня́ги рáдасць (т.-е. посуленое краснó, а дуракъ тому и радъ). Ды сягóдни и у городи ни боли жидау нѣтуци, дыкъ и торгу нѣ; хуць кажуць шта жиды худы, а бязъ ихъ и толку нѣтуци; боль ихъ знáиць гдзѣ яны падзивáлись; кáжуць шта святá ихъ зайшла; такъ я на базари и ня прадався.

Это бѣлорусское нарѣчіе, какъ сказано, распространяется на западъ, до польскихъ губерній, на югъ до малорусскихъ, отличаясь въ различныхъ мѣстностяхъ нѣкоторыми особенностями и принимая, по сосѣдству, слова, обороты и говоръ польскій, малорусскій или великорусскій. Послѣднее въ особенности относится до губерніи Смоленской.

О языкахъ искусственныхъ.

Скажемъ, для полноты, нѣсколько словъ о языкахъ искусственныхъ въ Россіи, хотя это предметъ болѣе или менѣе посторонній.

Напередъ всего языкъ *офенскій*: онъ далеко неполонъ и ограничивается нужнѣйшимъ въ быту ходебщиковъ. Начало его неизвѣстно; родина—Алексинская волость, Ковровскаго уѣзда (Владимірской губ.), откуда уже въ 1700 году разсыпáлись ходебщики, коробейники по всей Россіи, называя сами себя страннымъ именемъ *Масыковъ*. Торговля эта нынѣ въ упадкѣ, а съ нею и языкъ, который, впрочемъ, распространился, съ нѣкоторыми отмѣнами, между такими же мелочными торговцами въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ: Костромской, Тверской (Бѣжецкъ), даже Симбирской и Рязанской. Замѣтимъ мимоходомъ, что покойный Макаровъ помѣщалъ въ словарѣ своемъ, безъ разбора, офенскія слова, приписывая ихъ тому либо другому мѣстному нарѣчію. Частію просто изобрѣтеннымъ наобумъ словамъ, частію принятымъ и переиначеннымъ приданъ русскій складъ и окончаніе, и они употребляются точно какъ слова русскія, по русской грамматикѣ. Вотъ образчикъ:

Мисовской курёхой стремыжный бендюхъ прохандырили трущи; лохи биряли колыги и гомза, кубы биряли бряеть и въ устреку кундяковъ и ягренятъ; аламонныя карюки курещали курески, ласые мещаты грошались. Т.-е.: Въ нашей деревнѣ третьяго дня проходили солдаты; мужики угощали ихъ брагой и виномъ, бабы подавали ѣсть, а въ дорогу надавали пироговъ, яицъ и блиновъ; красныя дѣвки пѣли пѣсни, малые жь ребята смѣялись.

У владимірскихъ офеней кафтанъ *шистякъ*, у симбирскихъ — *шерснякъ*; шаровары *шпыни*, влад. и *чнары*, симб., сукно *шерсно* и *вехно*; но большая часть словъ одни и тѣ же. Иныя прямо русскаго происхожденія: Двери — скрыпы; кнутъ — визжакъ; дитя — пащенокъ; дѣлать — мастырить; домъ — курёха; другія—неизвѣстнаго: дворъ—рымъ; деньги—юсы; дрова—воксари, и пр. Иногда слова составлены одно по другому, по русскому образцу: Богъ—Стодъ; богатый—стоденъ; долгъ—шилгъ, долго—шилго; жечь—дулить, жаркое — дульное; иногда русскимъ словамъ дано иное значеніе: городъ называется костеръ; умереть — отемнѣть; мнимое же сходство офенскаго языка съ греческимъ едва ли не ограничивается словомъ *хирки*, руки, при чемъ надо вспомнить, что и въ Нерехтѣ и Галичѣ рукавицы зовутъ *нахирегами*. Впрочемъ, *пенда*, пять, и *деканъ*, десять, въ счетѣ офенскомъ также замѣчательны, по такому же сближенію.

Въ Рязанской и другихъ губерніяхъ плуты и нищіе говорятъ между собою этимъ же самымъ языкомъ, съ небольшими измѣненіями.

Столичные, особенно питерскіе, мошенники, карманники и воры различнаго промысла, извѣстные подъ именемъ мазуриковъ, изобрѣли свой языкъ — впрочемъ, весьма ограниченный — относящійся исключительно до воровства. Есть слова общія съ офенскимъ языкомъ: клёвый — хорошій; жуликъ — ножъ, но также карманникъ; лёпень — платокъ; ширманъ — карманъ; пропулить — продать; но ихъ немного, больше своихъ, напримѣръ: бутырь — городовой; фараонъ — будочникъ; стрѣла — казакъ; канна — кабанъ; камышевка — ломъ; мальчишка — долото, и пр. Этимъ языкомъ, который называется у нихъ *байковымъ*, или, по-просту, *музыкой*, говорятъ также всѣ торговцы Апраксина двора — какъ надо полагать, по связямъ своимъ и по роду промысла. Знать музыку — знать языкъ этотъ; ходить по музыкѣ — заниматься воровскимъ промысломъ. Вотъ образчикъ этого говора:

Что стырилъ? срубилъ шмель да выначилъ скуржаную лоханку. Стрёма, каплюжникъ: перетырь жулику да прихерься. А ты? угналъ скамейку да проначилъ на веснухи. То-есть: Что укралъ?

вытащилъ кошелекъ да серебряную табакерку. Чу, полицейскій: передай мальчишкѣ да прикинься пьянымъ. А ты? укралъ лошадь да промѣнялъ ее на часы.

Коновалы, конокрады, барышники также составили родъ условнаго мошенническаго языка, еще болѣе ограниченнаго и притомъ образованнаго сплошь изъ исковерканныхъ татарскихъ словъ и татарскаго счета.

Былъ когда-то еще мошенническій или разбойничій языкъ у волжскихъ разбойниковъ, если нѣсколько условныхъ реченій и рѣчей можно назвать языкомъ; но отъ него, благодаря Бога, остался одинъ только слѣдъ или память, въ поговоркѣ: сарынь на кичку да дуванъ дуванить. Сарынь и понынѣ мѣстами значитъ чернь, толпа; кичка — носъ судна; это было приказаніе бурлакамъ убираться въ сторону и выдать хозяина, что всегда и исполнялось безпрекословно, частію потому, что бурлаки были безоружны и считали разбойниковъ кудесниками, а частію и потому, что бурлакамъ до хозяина и товара его не было никакой надобности. Дуванъ дуванить — дѣлить добычу.

Кстати, увѣряютъ, будто есть также бурлацкій языкъ и будто въ разныхъ городахъ Поволжья составляютъ словарь этого языка. Напрасно: такого словаря не будетъ, потому-что языка этого нѣтъ; развѣ угодно будетъ назвать такъ судоходныя выраженія по Волгѣ или шуточныя выраженія гульливой молодежи: хлебалка — ложка; ядало — ротъ; нюхало — носъ; грабилки — руки, и пр.

На Кяхтѣ образовался общій съ Китайцами торговый русскій языкъ, или нарѣчіе, котораго непривычный не пойметъ. Это—русскія слова, изломанныя по китайскому произношенію, а рѣчь, исковерканная по китайской грамматикѣ, безъ склоненій и спряженій.

Тарабарскій языкъ школьниковъ состоитъ въ перестановкѣ или замѣнѣ согласныхъ, по извѣстному правилу, тогда-какъ гласныя остаются неизмѣнны:

Вмѣсто б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н ставятъ щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п, и на-оборотъ; такъ-что вмѣсто: я унесъ у Ваньки калачикъ, говорятъ смѣло и въ-слухъ: я упелъ у шапти тасагитъ.

Говоръ по-херамъ, то-есть гдѣ за каждымъ слогомъ приговариваютъ херъ, достоинъ вниманія развѣ по слѣдующему событію: два братца, охотники до погулокъ, рѣшились объясниться въ присутствіи отца по херамъ, но не искусились еще въ этомъ дѣлѣ и потому, приставляя по херу только предъ каждымъ словомъ, а не слогомъ, одинъ сказалъ: хер-братъ, хер-пойдемъ! Хер-куда? хер-въ кабакъ. Къ крайнему ихъ изумленію, отецъ видно также зналъ

говорить по-херамъ и, вмѣшавшись въ бесѣду, сказалъ: а хер-кнутъ? и сыновья присѣли на лавку.

Правописаніе, для словаря нарѣчій.

Послѣ этого очерка—краткаго, для дѣла, а для читателей слишкомъ длиннаго — можемъ приступить къ другому, весьма важному вопросу: какое правописаніе принять для словаря нарѣчій?

Ближайшій отвѣтъ на это: писать на-слухъ, какъ можно ближе къ произношенію; и это правило, по-видимому, принято было для разсматриваемаго нами словаря. Но вотъ его неудобства: изъ предшедшаго обзора видно, какъ различны мѣстныя произношенія: буква *а* выговаривается какъ *а*, *о*, *е*, *ы*, *я*; буквы *е*, *ѣ* произносятся какъ *е*, *ё*, *и*, *я*; буква *о*, какъ *о*, *а* полугласные, *а* полногласное, *ы*, *у*, *уо*, *уы* и проч.; словомъ, какъ мы видѣли выше, можно перебрать всѣ буквы азбуки нашей, и каждая изъ нихъ мѣстами замѣняетъ другую; вмѣсто одного словаря, надо напечатать ихъ десять либо двадцать, чтобы показать каждое изъ этихъ произношеній какъ особое слово. Вотъ почему издатели разбираемаго словаря и вынуждены были раскинуть по своимъ мѣстамъ: наберуха, наберуха, набируха, набироха, пропустивъ при всемъ томъ еще набёруха и набяруха; также: мяклашъ, мяклышъ, мяклушъ; повѣсьмо, повѣсмо, повѣсма, повѣсло; при чемъ еще сдѣланы ссылки, не на одно изъ этихъ словъ, признаваемое за болѣе правильное, но съ одного на другое.

Далѣе: если писать всѣ слова на-слухъ, то теряется всякое разумное, сознательное изученіе. Мы примемъ за новое слово чуждаго происхожденія то, что въ сущности намъ давно знакомо, но произносилось нѣсколько иначе. Изученіе нарѣчій именно тогда только занимательно и полезно, когда это дѣлается не безотчетно и состоитъ не въ затверживаніи новыхъ словъ, а въ розысканіи происхожденія ихъ и образованія. Читая слова *тамалка* или *супротки*, какъ они произносятся, мы становимся втупикъ, видя, что одно значитъ тряпицу, другое посидѣлки; но если скажемъ притомъ, что первое пишется *отымалка* и служитъ для съема горшковъ съ загнетки; а второе—*супрядки*, отъ слова прясть, то намъ открывается другой видъ, другое поприще и поле, и мы произносимъ слова эти сознательно, понимая ихъ значеніе. Этого мало: если писать на-слухъ, то жестокіе промахи неизбѣжны; неоспоримымъ доказательствомъ служатъ всѣ словари чужихъ

языковъ, составленные на-слухъ незнавшими этого языка. Такъ и въ областномъ словарѣ множество словъ написаны по такому правописанію, что ихъ нельзя понять и теряется всякое разумное производство ихъ; напримѣръ: а́бжа вмѣсто о́бжа; ажи́ще вмѣсто ежище, ёжъ; бати́къ, байтикъ, батогъ, бадокъ, падокъ, что все одно и тоже; бесомыга и бисомыга, вмѣсто босомыга и бѣсомыга; биздиля́ вмѣсто бездѣля́; вза́боль вмѣсто вза́быль, въ быль; варя́гуша вмѣсто ворогу́ша, врагъ; вежжица вмѣсто возжица, возжа; галанить, галанка, галань вмѣсто голанить и проч. отъ Голландца; галя́цы, выгалять, вмѣсто голицы; отъ голый; горо́фина вмѣсто гороховина; завичать вмѣсто завѣчать, отъ завѣтъ; комоха, комаха, вмѣсто кумуха, отъ кума́; ма́дежъ вмѣсто ма́тежъ, отъ мать; мошени́къ, вмѣсто мшеникъ, отъ мохъ; накитка вмѣсто накидка; огвѣздить вмѣсто озвѣздить; да кромѣ того, какъ уже было упомянуто, полъ-словаря перепечатано вдвойнѣ, и при всемъ томъ далеко не показаны всѣ различные виды произношенія.

Далѣе: но вѣдь и общепринятое правописаніе наше не отвѣчаетъ обычному, по московскому говору, произношенію; глазъ видитъ *о*, видитъ *г*, а языкъ говоритъ *а*, *в*; какъ тутъ быть? какъ читать написанное нами мѣстное слово: буквально ли, какъ оно написано, или съ тѣми условными уклоненіями отъ кореннаго значенія буквъ, какія приняты въ русской граматѣ? держаться ли этого жь правила и тамъ, гдѣ именно нужно показать уклоненія отъ общаго произношенія, и ставить въ этомъ случаѣ не ту именно букву, которую бы слѣдовало по выговору, а ту, которая, по принятымъ нами условнымъ правиламъ, произносится как первая? Наконецъ, какъ быть, если для этого вовсе буквъ недостаетъ, если, напримѣръ, *г* произносится какъ h, однимъ придыханіемъ, или когда это же *г* должно быть произнесено именно какъ *г*, тогда-какъ мы привыкли выговаривать его *в*? какъ написать *котораго*, съ тѣмъ, чтобы читали *го*, а не *во* или *ва*? Мы пишемъ *здѣшняго*, а читаемъ здѣшнева; какимъ же образомъ заставить читать слово-это какъ оно пишется и какъ произносится, напримѣръ, въ рязанскомъ нарѣчіи?

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что необходимо принять какое-нибудь положительное правописаніе, для однообразія, принять общія правила; иначе мы сами запутаемся среди пестроты и произвола; необходимо написать слово такъ, чтобы можно было понять и уразумѣть его — если оно русское; слово, написанное просто на-слухъ, нерѣдко покажется намъ вовсе чуждымъ, непонятнымъ, ровно взятымъ съ неизвѣстнаго языка; необходимо самимъ правописаніемъ указать на корень, на происхожденіе его, на связь съ

общимъ русскимъ языкомъ; иначе утрачена будетъ природная связь нарѣчія съ языкомъ; и должно при всемъ томъ указать, какъ можно вѣрнѣе, произношеніе по мѣстному говору.

Кажется, задача эта и всѣ видимыя противорѣчія ея разрѣшаются легко и просто, если принять слѣдующія условія и правила:

1) Дать читателю предварительное понятіе о различіи нарѣчій, о мѣстныхъ говорахъ: это уже по себѣ даетъ ему средство опредѣлить, какъ написанное слово можетъ, или не можетъ произноситься въ области извѣстнаго нарѣчія. Таковы всѣ общія и безъисключительныя правила произношенія, данныя нами по всѣмъ осьми главнымъ нарѣчіямъ.

2) Поэтому должно положить въ основаніе общепринятое правописаніе и произношеніе, отмѣчая условнымъ знакомъ ту букву, которая въ этомъ случаѣ должна быть произнесена иначе, а какъ именно, смотри въ общихъ правилахъ. Такимъ-образомъ, ставить всюду *о*, гдѣ мы писать его привыкли, но отмѣчать, если оно должно произноситься *о*, вопреки общаго произношенія, читающаго *а*; писать также и тамъ *о*, гдѣ, по мѣстному нарѣчію, произносятъ его какъ *у*, *ы*, но отмѣчать опять особымъ знакомъ; писать, гдѣ слѣдуетъ по языку, а не по нарѣчіямъ, *ѣ*, *в*, *ч* и проч., и отмѣчать буквы эти знаками для тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ произносятся какъ *и*, *я*, *у*, *ц* и проч.

Само-собой-разумѣется, что этихъ правилъ должно равно держаться какъ въ тѣхъ областныхъ словахъ, которыя находятся, съ небольшими уклоненіями, въ коренномъ языкѣ, такъ и въ выраженіяхъ вовсе для насъ новыхъ; и ихъ должны мы читать, какъ привыкли читать по-русски, съ условною отмѣною въ произношеніи тѣхъ только буквъ, которыя будутъ отмѣчены знаками. Это же самое правило прилагается, безъ всякаго неудобства, и къ нарѣчіямъ болѣе уклонившимся отъ нашего языка, напримѣръ, къ бѣлорусскому и малорусскому; относительно послѣдняго, таже мысль была уже у Максимовича, но опытъ его немногимъ понравился; почему? думаю потому, что довольно трудно и сбивчиво, по непривычкѣ, читать глазами одну букву, а языкомъ, во уваженіе поставленнаго надъ нею знака, другую, и при томъ дѣлать это напамять. Чтобы не сдѣлали и мнѣ того же возраженія, предлагаю слѣдующее:

3) Вопросъ, какіе именно знаки ставить надъ измѣняемымъ произношеніемъ буквъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одна и таже буква читается на нѣсколько ладовъ, рѣшится, если для предполагаемаго словаря отлить особыя литеры, надъ которыми, вмѣсто знаковъ, должна быть выставлена маленькая буква, по произношенію; словомъ, измѣ-

няемая буква должна быть двойная: коренная, по языку, а надъ нею—производная, по говору или нарѣчію. Гдѣ надо показать, что буква остается при коренномъ значеніи своемъ, а не при условномъ, тамъ повторить надъ нею собственный ея знакъ. Придыханіе можно показать латинскимъ h надъ русскимъ *г*.

4) Наконецъ для обозрѣнія вставочныхъ, излишнихъ противу общаго языка нашего звуковъ, чтобы лишнія буквы эти не застили и не затемняли корня, вставлять ихъ другаго шрифта, или подъ строкой, такъ же точно, какъ ставить на своихъ мѣстахъ, но сверху, мелкимъ шрифтомъ буквы, пропускаемыя по мѣстному говору и при малоизвѣстныхъ сокращеніяхъ, затемняющихъ смыслъ.

Кажется, предложенія эти просты и удобны; смѣю думать, что другой способъ согласованія всѣхъ противорѣчій отыскать будетъ трудно; а неудобствъ и возраженій — кромѣ расхода на новыя матрицы — не предвижу. Думаю, впрочемъ, что можно бы обойтись даже и безъ этого, вставляя двѣ буквы поменьше, одну надъ другою, на мѣсто измѣняющейся.

Видъ и устройство словаря.

Перейдемъ къ третьему и послѣднему вопросу: какой видъ придать словарю нарѣчій, какъ устроить и расположить его, для большей пользы и удобства. Думаю, что вопросъ этотъ родится во всякомъ, кто съ жадною любознательностію бросился на вновь-вышедшій словарь и, перелистывая его, не зналъ, какъ къ нему приступиться.

Въ-самой-вещи, какъ употребить въ дѣло словарь, гдѣ реченія пятидесяти мѣстностей выписаны сподрядъ въ азбучномъ порядкѣ? читать безконечный списокъ этотъ, какъ книгу, нельзя; пріискать что-либо, напримѣръ, нѣтъ ли въ различныхъ мѣстностяхъ различныхъ выраженій для даннаго предмета или понятія — нельзя; доискаться, не употребляется ли въ Архангельскѣ другое выраженіе, чѣмъ въ Тамбовѣ, или чѣмъ въ Москвѣ и на письмѣ, и какое именно — нельзя; разсмотрѣть, какія выраженія въ-ходу въ такомъ-то нарѣчіи, что въ нихъ общаго, чѣмъ отличаются они отъ мѣстныхъ словъ другой области — нельзя, ихъ не найдешь, надо читать все сподрядъ и развѣ выписывать; словомъ, въ такомъ словарѣ одна только польза, или пожалуй двѣ: во-первыхъ, слова собраны, въ какомъ бы то ни было порядкѣ, и сохранятся; во-вторыхъ, нашедши или услышавъ какое-либо слово, можно справиться, есть ли оно въ словарѣ, а буде нѣтъ — дополнить.

Очевидно, такое расположеніе затрудняетъ употребленіе словаря. Повторимъ: нарѣчія нашего языка весьма близки къ языку общему, а мѣстныя реченія, почти безъ изъятія, должны войти въ общій запасъ законнаго достоянія его; вотъ главная цѣль и польза ихъ изученія. Припомнимъ снова и то, что всѣ мы плохо знаемъ по-русски, крайне нуждаемся въ русскихъ словахъ и оборотахъ, и что найти ихъ можно, конечно, не въ книгахъ, а въ народѣ; облегчить это изученіе — вотъ назначеніе словаря.

Словарь двуязычный долженъ быть расположенъ по азбучному порядку одного изъ языковъ; словарь одноязычный, съ тою цѣлію, какъ они издаются обыкновенно, для отысканія смысла сомнительнаго слова, встрѣченнаго на письмѣ, для повѣрки подлиннаго и прямаго значенія какого-либо реченія, наконецъ, для справки о правописаніи: такой словарь также не можетъ быть расположенъ иначе; но для насъ областной словарь въ такомъ же видѣ неудобенъ, потому-что я никогда почти не стану отыскивать въ немъ слышанное слово, или случай этотъ встрѣтится весьма рѣдко, а я бы желалъ, на-оборотъ, знать, какія выраженія есть въ народѣ взамѣну реченія принятаго нами, по лѣни и невѣжеству, съ чужаго языка, или скованнаго нами самодѣльщиной весьма неудачно; желалъ бы видѣть, какія есть тожественныя или близкія другъ ко другу выраженія, для обозначенія различныхъ оттѣнковъ одного и того же понятія; желалъ бы также изучить реченія эти сравнительно одно съ другимъ, чтобы ознакомится съ духомъ каждаго нарѣчія и извлекать изъ этого какія-либо общія заключенія. Всего этого по нашему словарю нельзя.

Скажемъ болѣе: для насъ гораздо важнѣе пріискать нужныя выраженія, чѣмъ знать, гдѣ именно они употребляются. Мы вообще бо́льшею частію ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ — потому только, что въ первый разъ его тамъ слышали; но мы слишкомъ мало знакомы съ народнымъ языкомъ и одинъ только случай даетъ намъ — особенно письмённикамъ — поводъ, услышать не письменное реченіе. Въ общемъ академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя до нынѣ въ-ходу почти повсемѣстно; напримѣръ: обѣльный, обѣтный, огнивица, огнище, одвуконный, окарачиться, ополичить, опро́съ, очепъ, паза́нки, повѣть; словомъ, бо́льшая часть малаго числа словъ, отмѣченныхъ въ словарѣ этомъ областными, свойственны цѣлой половинѣ или даже всей Россіи. Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи слова довольно общія, напримѣръ: кремень (скупецъ), брота́ть (обротать), буза́, будка, буго́ръ, була́нко, бурена, валенки, варево, вата́га, верша́на, ветошь, взмо́рье, вилки́ (почему

не единственное вилокъ?), водяной, вочью, врагъ, втора, гнетучка, голбецъ, голубецъ, доспѣть, бальзанка, возница и тысяча другихъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлять словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколько можно ближе съ языкомъ народнымъ и всѣми мѣстными особенностями его, да притомъ, если будетъ еще расположенъ такъ, чтобы мы могли найти тѣ именно реченія, въ какихъ нуждаемся.

Если удовлетворить всѣмъ требованіямъ и нуждамъ, то, кажется, слѣдовало бы приняться за изданіе пяти словарей, или словаря въ пяти отдѣлахъ, подъ общимъ заглавіемъ: *Словарь русскаго языка, по всѣмъ его нарѣчіямъ*, на слѣдующемъ основаніи:

1) *Общій русскій Словарь*. Всѣ слова стариннаго, письменнаго и обиходнаго языковъ, реченія научныя, ремесленныя, промысловыя, выраженія мѣстныя или областныя, даже пожалуй и церковнаго — всѣ безъ различія располагаются въ общемъ азбучномъ порядкѣ, съ указаніемъ, къ которому изъ этихъ разрядовъ слово принадлежитъ и затѣмъ, съ самымъ краткимъ объясненіемъ, при ссылкѣ на пятый отдѣлъ.

2) *Словарь великорусскій* долженъ содержать полное собраніе словъ очищеннаго, обиходнаго русскаго языка, съ устраненіемъ всего прочаго. Здѣсь каждое слово должно быть объяснено болѣе подробно, во всѣхъ значеніяхъ своихъ, съ примѣрами, которые большею частію съ пользою замѣнятъ отвлеченныя и ничего не объясняющія опредѣленія. Каждое слово должно быть также объяснено и переведено отвѣчающими ему тождесловами, какъ собственно русскаго языка, такъ и всѣхъ нарѣчій его, или реченіями областными, и, пожалуй, также словами нашего стариннаго и церковнаго языковъ. Эту часть должно какъ можно болѣе наполнить народными выраженіями и оборотами, отъ которыхъ надо ожидать столько пользы для языка.

Въ первомъ отдѣлѣ мы встрѣтимъ порознь на своихъ мѣстахъ: говорить, болтать, бесѣдовать, молвить, сказать, рѣщи, баить, бахорить, бакулить, балакать, казать, гуторить, голдить, голчить и проч., а во второмъ отдѣлѣ найдемъ только первое изъ этихъ реченій, а послѣдующія — безъ всякаго толкованія, съ одною ссылкою на первое, которое будетъ объяснено, и сверхъ того переведено всѣми однозначащими словами, съ указаніемъ, которое изъ нихъ церковное, старинное, украинское, сибирское, нижегородское и проч.

3) *Словари частные*. Здѣсь было бы полезно помѣстить порознь, для обзора и изученія каждаго нарѣчія по себѣ, словари: церковный, старинный русскій, украинскій, бѣлорусскій, всѣхъ великорусскихъ нарѣчій, съ обстоятельнымъ введеніемъ, которое должно содержать краткую сравнительную грамматику всѣхъ языковъ и нарѣчій этихъ да сверхъ того подробное разсужденіе о нарѣчіяхъ нашихъ, или говорахъ, съ распредѣленіемъ ихъ по мѣстностямъ. Желательно было бы присоединить къ тому и обзоръ всѣхъ вообще славянскихъ нарѣчій, хотя сами словари и не должны выходить изъ географическихъ предѣловъ нынѣшней Руси, исключивъ еще Польшу.

4) *Корнесловъ*, принимая, впрочемъ, слово *корень* не въ ботаническомъ значеніи и не отыскивая его подъ землею: это трудъ неблагодарный и часто безполезный, и выводы такихъ розысканій бываютъ болѣе плодомъ увлеченія, чѣмъ вновь открытыхъ истинъ; какимъ образомъ одно слово выростало изъ другаго, а тѣмъ болѣе на первоначальномъ корнѣ своемъ, этого никто не покажетъ; но можно распредѣлить всѣ слова на семьи, собирая одногнѣздки подъ одинъ общій разрядъ и указывая на взаимную ихъ связь и сродство. Здѣсь также непремѣнно должны быть размѣщены всѣ реченія областныя, по происхожденію своему и производству.

5) *Словарь толковый*, расположенный не въ простомъ азбучномъ порядкѣ, а по предметамъ. Онъ-то собственно и долженъ служить для изученія роднаго языка, для отысканія всѣхъ выраженій, какія могутъ кому понадобиться, для сравненія тождеслововъ, и пр.; словомъ, я себѣ воображаю словарь этотъ настольною книгою каждаго образованнаго человѣка.

Здѣсь, подъ каждымъ главнымъ, родовымъ или собирательнымъ —въ словарномъ смыслѣ — реченіемъ должны быть размѣщены, съ подробнымъ толкованіемъ, всѣ подчиненныя выраженія, относящіяся къ одному и тому же предмету. Вмѣсто списка всѣхъ словъ языка, размѣщенныхъ въ азбучномъ порядкѣ, словарь этотъ будетъ состоять изъ цѣлаго ряда статей, въ каждой изъ которыхъ должны быть объяснены десятки и сотни словъ. Если мы находимъ въ первомъ отдѣлѣ, каждое на своемъ мѣстѣ: гора, цѣпь, кряжъ, отрогъ, хребетъ, сыртъ, курганъ, холмъ, сопка, угорье, изволокъ, взлобокъ, скала, отпрядышъ, камень и проч., то всѣхъ этихъ разсѣянныхъ словъ никто, въ случаѣ надобности, отыскать и собрать не можетъ, а равно не найдетъ и сравнительнаго ихъ объясненія, которое одно только въ состояніи дать истинное понятіе о ихъ значеніи; въ пятомъ же отдѣлѣ всѣ реченія эти, равно какъ и множество подобныхъ имъ, будутъ совокуплены и объяснены

сравнительно подъ общимъ понятіемъ *гора*, выражающимъ всякое возвышеніе земной поверхности. Въ первомъ отдѣлѣ найдемъ мы: хомутъ, дуга, супонь, тяжъ, ярмо̀, заноза, бурундукъ, оштолъ и пр., каждое порознь и на своемъ мѣстѣ; въ пятомъ, напротивъ, подъ общимъ понятіемъ *упряжь*, пояснена и описана будетъ всякаго рода конская, воловья, верблюжья, оленья и собачья упряжь, употребляемая въ Россіи, съ поименованіемъ всѣхъ ея принадлежностей, какъ именуютъ ихъ во всѣхъ концахъ государства. Такъ же точно подъ словомъ *умъ* пояснены будутъ всѣ умственныя качества души, а подъ словами *нравъ* и *сердце* — всѣ свойства и качества нравственныя. Наконецъ, съ большимъ удобствомъ можно бы дополнить словарь этотъ словаремъ наукъ, искусствъ, художествъ, промысловъ и ремеслъ, размѣщая принадлежащія имъ реченія подъ общими статьями, подъ выраженіями, заключающими въ себѣ общее понятіе о какой-либо отрасли человѣческой дѣятельности.

Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что у насъ фабричная производительность не родная, а напротивъ, ремесленность и промыслы разнаго рода значительно развиты въ народѣ нашемъ, какъ необходимая принадлежность домашняго и жизненнаго быта его; поэтому и словари, относящіеся до разныхъ вѣтвей этой производительности, не должны быть отдѣляемы отъ общаго словаря народнаго языка, во всѣхъ видахъ его и отношеніяхъ.

Устроенный на такихъ основаніяхъ словарь будетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ и надобностямъ: первый отдѣлъ будетъ служить справочнымъ мѣстомъ для всякаго русскаго реченія, въ самомъ обширномъ смыслѣ: найду ли я непонятное для меня слово въ Четьи-минеѣ, въ лѣтописи, услышу ли его устно въ образованномъ кругу или въ черномъ народѣ, на сѣверѣ, югѣ, востокѣ или западѣ Россіи, отъ плотника, валяльщика, тюленьщика, отъ промысловаго или торговаго человѣка,—все-равно: я нахожу реченіе это въ первомъ словарѣ, съ краткимъ объясненіемъ и со ссылкою на пятый.

Второй отдѣлъ дастъ намъ обиходныя слова, съ объясненіемъ истиннаго смысла ихъ и значенія, посредствомъ примѣровъ; сверхъ того, здѣсь могу я отыскать, какимъ словомъ всякая вещь или понятіе означается въ разныхъ концахъ Россіи.

Значеніе *третьяго* и *четвертаго* отдѣловъ ясно по себѣ: одинъ служитъ прямо для обзора каждаго изъ мѣстныхъ нарѣчій и областныхъ словъ извѣстной мѣстности; другой для уразумѣнія

реченій, по взаимной связи и зависимости ихъ, по сродству и образованію.

Пятый отдѣлъ былъ бы, въ приложеніи къ дѣлу, самымъ важнымъ и полезнымъ: настоятельная надобность въ такомъ словарѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Образованіемъ своимъ мы ушли впередъ отъ своего языка, духъ нашъ опередилъ плоть и покинулъ обременявшія его вязи и путы; но духъ и плоть здѣсь не могутъ и не должны разлучаться, или коснѣющая мысль, въ безсиліи высказаться, замретъ въ спячкѣ. Пора опомниться, пора пріостановиться, перевести духъ и сождать отсталый обозъ. Безъ него обойтись нельзя. Мѣстами придется и подпрягать—и объ этомъ позаботиться дѣло письмѣнниковъ. Толковый словарь, расположенный по предметамъ, такъ-что легко было бы отыскать каждое потребное слово, каждое выраженіе, узнать сравнительное значеніе его, замѣну его тутъ и тамъ другимъ, видѣть въ тоже время передъ собою путные примѣры оборотовъ рѣчи, правильнаго русскаго склада, окинуть въ одной небольшой статьѣ весь запасъ реченій нашего богатаго языка, для выраженія даннаго понятія—это потребность насущная, состоящая притомъ въ самой тѣсной связи со словаремъ областнымъ, или, яснѣе, простонароднаго языка.

Соглашусь напередъ съ ожидающимъ меня возраженіемъ, что одному человѣку, въ короткій вѣкъ его, составить эти пять словарей не *подъ-силу*; но я и не говорилъ здѣсь о работѣ одного лица. Во-всякомъ-случаѣ, словарь толковый, послѣдній изъ поименованныхъ мною, самъ по себѣ составилъ бы богатый капиталъ для всѣхъ письменныхъ людей, и только въ этомъ смыслѣ мѣстныя нарѣчія стоятъ изученія. Сотрудники могли бы обсылаться взаимно статьями, для повѣрки и пополненія, а первое изданіе должно бы быть разослано безденежно по всей Россіи, для доставленія въ-теченіе годичнаго срока отвсюду поправокъ и замѣчаній.

Можетъ-быть, сдѣлаютъ и другое возраженіе или вопросъ: да почему же написавшій статью эту самъ не составитъ такого словаря или хотя одну часть его?

Ради шутки, пожалуй отвѣчу, что иной хорошо свищетъ, а пѣть не умѣетъ; но затѣмъ сознаюсь, что о себѣ не могу сказать даже и этого: я никогда не писалъ критическихъ статей и для этого не гожусь. Написавъ, по вызову г. Вице-Предсѣдателя Географическаго Общества, настоящую статью, я самъ вижу, что написалъ не разборъ, не критику, а нѣчто вовсе иное. Сознаюсь, впрочемъ, при этомъ случаѣ также, что общее участіе и помощь, оказанныя мнѣ въ этомъ дѣлѣ, при вызовѣ къ тому въ журналахъ, для меня обязательны и даютъ право ожидать и требовать отчета

или оглашенія плодовъ этихъ общихъ усилій. Могу отвѣчать на это только, что работаю, на сколько достаетъ силъ и малаго досуга. Пользуюсь случаемъ этимъ, чтобы благодарить всѣхъ услышавшихъ просьбу мою и передавшихъ мнѣ собраніе мѣстныхъ народныхъ словъ и замѣтки свои по этому предмету, да въ тоже время поновить опять ту же просьбу и о томъ же: можетъ-быть, современемъ что-нибудь и выйдетъ.

Но чувствую, что пора воротиться къ Словарю и сдѣлать хотя нѣсколько собственно до него относящихся замѣчаній; припомню вкратцѣ и то, что̀ говорилось объ этомъ выше.

1) Недостатокъ общаго введенія, для объясненія различія нарѣчій, весьма ощутителенъ.

2) Поэтому и не могло быть принято столь необходимое въ подобномъ трудѣ однообразное правописаніе.

3) Принявъ правописаніе по мѣстному говору, издатели иногда ограничивались однимъ говоромъ, а иногда, напротивъ, повторяли одно и тоже слово до трехъ и четырехъ разъ, дѣлая при томъ всегда ссылку, послѣдовательно съ одного на другое: это затруднительно. Удобнѣе соединить въ одномъ мѣстѣ всѣ различныя произношенія и, пожалуй, размѣстивъ сверхъ того каждое изъ нихъ, гдѣ слѣдуетъ, дѣлать одну общую ссылку на первое.

4) Правописаніе по говору не выдержано, а напротивъ, въ весьма многихъ случаяхъ, отъ привычки собирателя, вмѣшалось правописаніе общепринятое. Это въ особенности замѣтно относительно произношенія буквы о, по двумъ главнымъ нарѣчіямъ, и это должно сбить съ пути всякаго не слишкомъ коротко знакомаго съ дѣломъ.

5) Встрѣчаются небольшія недоумѣнія въ правописаніи, напримѣръ: по какому поводу *порѣтовать* написано черезъ ѣ, тогдакакъ ни производство этого слова (нѣм. retten), ни произношеніе, ни измѣненіе или замѣна буквъ этого не оправдываютъ? Здѣсь вмѣсто *ре* произносятъ также *ра* и *ря;* да въ томъ же словарѣ глагола *рѣтовать* нѣтъ, а есть *ратова̀ть* и *ретовать.*

6) Не сдѣлано различія между общимъ въ Россіи простонароднымъ языкомъ и мѣстнымъ, или областнымъ, такъ-что къ послѣднему отнесено все то, чего не слыхать и не видать было доселѣ на письмѣ или въ печати; поэтому

7) Немалое число реченій, приписанныхъ самой ограниченной мѣстности, одной губерніи или даже уѣзду, употребительны почти повсемѣстно.

8) Объясненія не всегда вѣрны и ясны; напримѣръ: *биленько*, объяснено: привѣтствіе во время стирки бѣлья, въ Пермской губ. Но *бѣленько вамъ*—общее привѣтствіе прачкамъ, по всей Россіи, также точно, какъ *хлѣбъ-да-соль*, *море-подъ-коровой* (дойницѣ), *тоненько-долгенько* (пряхѣ), и проч.; *буйвище* слѣдовало бы перевести просто *погостъ*, кладбище. Бурлакъ и *бурлака* приписаны собственно Шенкурску и Каргополю, а о волжскихъ бурлакахъ ни слова. *Гребло* объяснено полной мѣрой: чего? гребло собственно весёлко, которымъ сгребаютъ хлѣбъ или верхи съ мѣры; *въ гребло* или *подъ гребло* — полная мѣра. *Грунь* не скорая ходьба, а хлынь, рысца конская. *Заниматься* и въ Уфѣ значитъ тоже, что всюду; мужикъ или, болѣе, дворовый человѣкъ, говоритъ, ради вѣжливости: я этимъ не занимаюсь, предполагая подъ занятіемъ этимъ какое-либо *художество*. Но языкъ *галантерейный*, какъ Гоголь его удачно назвалъ, можно бы исключить изъ словаря и потому *великатный, великатно, великатность, великатничать, ассаментальный* и тому подобныя выраженія едва ли здѣсь не лишнія. Не знаю также, за что *кошченка* написано шч, а не щ, и приписано исключительно *Опочкѣ*, хотя и переведено общимъ словомъ: *кошка*. Вообще объясненія большею частію отрывочны, односторонни, показано одно только частное или переносное значеніе; взглядъ для читателя весьма ограниченъ; вѣроятно, слова подбирались и печатались, какъ были присланы разными лицами, каждый изъ которыхъ объяснялся по-своему. Мѣстами находимъ цѣлыя изреченія, подъ соотвѣтствующимъ азбучнымъ порядкомъ начальнаго слова, хотя малое число такихъ поговорокъ показываетъ, что это не было принято за общее правило: *въ лоны годы, въ мѣны притти, мухры пришли, здорово въ губу, пріѣхать на всѣхъ парусахъ*,— все это размѣщено не въ видѣ объясненія словъ: лоны, притти, мухры и проч., а каждое изреченіе въ красную строку, по алфавиту, какъ особое слово. Стало-быть, и это зависѣло отъ перваго собирателя, который вѣроятно, надѣялся, что запасамъ его, для печати, будетъ еще приданъ болѣе приличный видъ.

9) Есть также недоразумѣнія, основанныя на неразборчивости присланныхъ изъ губерній рукописей, но немного; напримѣръ: пакаче (получше), ни въ какомъ случаѣ не можетъ говориться во Владимірѣ, при самомъ низкомъ говорѣ на о; да сверхъ того здѣсь вмѣсто к надо читать н: *поначе*. Равно у насъ нѣтъ слова *наговкани* даже въ Ирбитѣ, и надо читать начѐвка, ночѐвка, то-есть лотокъ.

10) О неполнотѣ я здѣсь и говорить не смѣю: передъ нами одинъ только опытъ, за который мы должны быть чрезвычайно

признательны, пожелавъ, чтобы нашлось болѣе подражателей и послѣдователей.

11) Наконецъ, о неудобствѣ расположенія этого словаря говорено было выше: не знаемъ, какъ приступиться, какъ пользоваться этимъ дорогимъ подаркомъ. Гораздо полезнѣе бы расположить словарь такимъ образомъ, чтобы можно было отыскать и сравнивать реченія, и этому отвѣчалъ бы второй или пятый отдѣлъ предположеннаго мною словаря.

Кончимъ благодарностію за то, что̀ есть и какъ оно есть. За Русскою Академіею — неотъемлемая заслуга, что она первая издала словарь русскихъ областныхъ словъ.

Іюль 1852.
Нижній.